

ЗАВОЕВАНІЕ АХАЛЬ-ТЕКИНСКАГО ОАЗИСА.

Историческій очеркъ ¹⁾.

Ende gut—alles gut.

I.

Ахаль-Теке и роковые пути исторіи.

РУССКІЕ завоеванія въ средней Азіи идутъ быстро. Въ 1869 году, полковникъ Столѣтовъ, въ составѣ отряда котораго находился штабсъ-капитанъ Скобелевъ, высадился въ Красноводскомъ заливѣ и, разбивъ свою ставку за косою, отдѣляющей этотъ заливъ отъ Каспія, основалъ городъ Красноводскъ. Занятый край представлялъ безводную, солончаковую пустыню, кое гдѣ взволнованную, лишенными растительности, выжженными солнцемъ холмами и возвышенностями, которые по своему суровому и непривѣтливому очертанію мало оживляли эту скучную мѣстность.

Шестьюдесятью верстами южнѣе Красноводска, противъ одной изъ косъ нефтянаго острова Челекена, былъ въ то же время построенъ

¹⁾ Предлагаемая статья составлена по источникамъ объ ахаль-текинской экспедиціи, появившимся до настоящаго времени въ Россіи. Изъ нихъ важнѣйшіе: Русскіе въ Ахаль-Теке 1879 года. В. Тугана-Марзы-Барановскаго; Ахаль-текинскій оазисъ, статья М. Анненкова. „Вѣстн. Европы“, № 5 и 6. 1881 г., Ахаль-текинская экспедиція, корреспонденція г. Б. „Голосъ“, №№ 82, 85, 95, 101, 105, 110 и 117; Изъ Закаспійскаго края, корреспонденція въ „Новомъ Времени“; Ахаль-текинскія женщины, г. Поповичъ-Липовца; Штурмъ Денгли-Тепе, г. Демурова. „Истор. Вѣстн.“ № 3, 1881. и др.

редуть, названный фортомъ Михайловскимъ, мѣстоположеніе котораго не разнообразилось даже и тѣми прибрежными холмами, которые хотя сколько нибудь скрашивали у Красноводска общую монотонность занятыхъ нами степей. Голый песокъ окружалъ этотъ скучнѣйшій постъ на скучнѣйшій берегу скучнѣйшаго изъ морей земнаго шара. Но въ 200 верстахъ отъ Михайловскаго, по направленію прямо на юго-востокъ, начиналась полоса плодородной земли, столь во всѣхъ отношеніяхъ прекрасной, что жители ея увѣряли, будто Адамъ, по изгнаніи его изъ рая, выбралъ именно этотъ оазисъ для своего новаго поселенія, такъ какъ нигдѣ не нашелъ ни лучшаго мѣста, ни лучшей почвы, какъ мѣстность и почва оазиса Ахаль-Теке, расположеннаго по скатамъ и вдоль подошвы не особенно высокаго горнаго кряжа Копеть-Дага, вершина котораго опредѣляетъ въ этомъ мѣстѣ границу ханствъ Буджурта, Дерѣгѣзъ, и Келятъ, находящихся въ вассальной зависимости отъ Персіи.

Характеръ южнаго и сѣвернаго склоновъ этого кряжа не одинаковъ. Съ персидской—южной онъ образуетъ пологіе скаты, спускающіеся террасами и дающими начало нѣсколькимъ значительнымъ рѣкамъ, образующимъ въ послѣдствіи рѣку Атрекъ, низовья которой и составляютъ нашу границу съ Персіей. На сѣверной сторонѣ Копеть-Дагъ имѣетъ болѣе суровый характеръ; крутые, обрывистые скаты болѣею частью не доступны, но вмѣстѣ съ этимъ, онъ же даетъ начало многимъ (числомъ до 35) горнымъ ручьямъ и источникамъ, со свѣтлой, прекрасной водою, присутствіе которой и составляетъ главное богатство и достоинство Ахаль-Текинскаго оазиса. Благодаря только этой влагѣ и превосходному искусственному орошенію, глинистая почва оазиса дѣлается способной къ обработкѣ и даетъ двѣ жатвы въ годъ, тогда какъ сосѣдняя Каракумынская пустыня не производитъ даже колючки—растенія, которымъ умудряются питаться верблюды. Весь оазисъ имѣетъ около 200 верстъ длины, начинается выше аула Кизиль-Арвата (500 киб.) и доходитъ до аула Гяуръ (40 киб.); но за то ширина его, не превышая вообще 10 верстъ, во многихъ мѣстахъ суживается только до 4-хъ. Ручьи горныхъ ключей, вытекая изъ горныхъ разсѣлинъ на равнину, пропадаютъ въ пескахъ Кара-Кумъ, непосредственно примыкающихъ съ сѣвера къ оазису.

Вотъ эта-то полоса земли, въ результатѣ блистательной побѣды генерала Скобелева, одержанной имъ черезъ 12 лѣтъ послѣ высадки и основанія полковникомъ Столѣтовымъ Красноводска, нынѣ присоединена къ землямъ обширнаго Россійскаго государства.

На этотъ разъ, однако, побѣдителямъ Туркестана и Ферганской области—войскамъ, штурмовавшимъ Ташкентъ, Самаркандъ и Хиву, завоеваніе Ахаль-Текинскаго оазиса досталась не даромъ. Первый разъ русскій солдатъ встрѣтилъ среди пустынныхъ степей средней Азіи достойнаго себѣ противника въ лицѣ текинца, и потому-то, болѣе чѣмъ когда либо, обыкновенные мотивы нашего наступленія въ

этотъ далекій край покажутся будущему историку недостаточными. Защита мало или вовсе не принадлежащихъ намъ кочевниковъ гоклановъ, джафарбаевцевъ, аттабаевцевъ и іомудовъ—мотивъ, очевидно слишкомъ бѣдный для объясненія причинъ, вызвавшихъ новый подвигъ русскихъ войскъ, для оправданія тѣхъ огромныхъ тратъ, которыхъ требовало отъ русской казны новое разширеніе и безъ того куда выше нужды и мѣры разширенныхъ во всѣ пустынные стороны владѣній нашихъ, и даже совсѣмъ не объясняющій самаго присоединенія къ намъ этой далеко выступающей полосы земли, весьма уязвимой (какъ показываетъ прошедшее) со стороны Хивы, Мерва и Персіи. Понятно, что если защита іомудовъ и аттабаевцевъ отъ текинцевъ обошлась намъ такъ дорого, то защита новыхъ подданныхъ—текинцевъ отъ персіянъ можетъ стать еще дороже, и потребовать еще болѣшихъ жертвъ, безъ всякой надежды на вознагражденіе. Между тѣмъ, свидѣтелями, что не всегда текинцы обижали Персію, служить наримѣръ разказъ Бульгера о коварномъ нападеніи губернатора Ширвана, родственника Нуръ-Вердыхана, на текинскій караванъ, отправленный въ Буджнурдъ съ богатымъ выкупомъ за плѣнныхъ, уведенныхъ персіянами въ 1859 году, нападеніе, которое, по показанію Бульгера, повело къ несчастному походу Нуръ-Верды въ Персію, послѣ котораго ему и пришлось бѣжать изъ Теке въ Мервъ, опасаясь мести недовольныхъ его распоряженіями соплеменниковъ. Но если мы шли подъ стѣны Геокъ-Тепе не для защиты іомудовъ и наказанія хищниковъ и даже не для прямого завоеванія оазиса, который, при всѣхъ его достоинствахъ, врядъ ли можетъ прельстить насъ такъ, какъ нѣкогда прельстилъ Адама, то причины похода все таки остаются непонятными. Между тѣмъ, что интереснѣе непонятнаго?

Желая, въ интересахъ исторической истины, открыть дѣйствительные мотивы штурма и осады Геокъ-Тепе — лица, писавшія по этому поводу, останавливаются на роковыхъ путяхъ историческаго хода міровыхъ событій!

Прекрасное объясненіе, если бы оно было хоть сколько нибудь осязательно понятно. Къ несчастію, роковой ходъ міровыхъ событій—звонкая фраза, подъ которой кроется весьма разнообразное содержаніе, и лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить разногласіе двухъ авторовъ, трудами которыхъ мы пользуемся для составленія этой монографіи.

Участникъ перваго похода, въ качествѣ рядоваго Переяславскаго драгунскаго полка, В. А. Туганъ-Мирза Барановскій, авторъ прекрасной книги „Русскіе въ Ахаль-Теке 1879 г.“, говоритъ о роковомъ ходѣ событій слѣдующее:

„Единственная причина нашего похода въ Текинскій оазисъ есть наше сосѣдство съ нимъ. Сосѣдство же цивилизованнаго государства съ нецивилизованнымъ, на основаніи историческаго закона, должно всегда кончатся полнымъ подчиненіемъ послѣдняго первому“.

Участникъ втораго похода, въ качествѣ начальника желѣзно-дорожныхъ сообщеній въ тылу отряда, генералъ М. Н. Анненковъ, въ статьѣ „Ахаль-текинскій оазисъ“ („Вѣст. Евр.“ № 5, 6), опровергаетъ это мнѣніе такъ:

Съ первыхъ временъ исторіи, въ мірѣ совершается два великихъ движенія: одно влекло нѣкогда родъ человѣческій съ востока на западъ, другое же возвращаетъ его съ запада на востокъ; первое изъ этихъ движеній, съ которыми связаны великія переселенія, наполнившія западъ Европы народами Азіи, началось, вѣроятно (?!), еще задолго до историческихъ временъ; второе, открывшееся троянскою войною, продолжаемое государствомъ Александра, римскою имперіею, крестовыми походами, открытіемъ мыса Доброй-Надежды.. (и, прибавимъ отъ себя, осадой Геокъ-Тепе), существуетъ и до настоящаго времени.

Затѣмъ генералъ Анненковъ продолжаетъ:

Безъ сомнѣнія (!), тутъ оказывается какая-то историческая необходимость, какой-то законъ, который еще неизвѣстенъ, но который тѣмъ не менѣе существуетъ и неумолимо подчиняетъ себѣ судьбу народовъ!

Не слишкомъ ли, однако, все это безусловно, да и дѣйствительно ли несомнѣнны роковые пути исторіи, на которые указываютъ оба автора?

Путь г. Т. М. Барановскаго — роковое вліяніе разнокультурнаго сосѣдства — сомнителенъ, по причинѣ слишкомъ широкаго понятія о сосѣдствѣ. Цѣлое море и 200-верстная степь отдѣляютъ ближайшіе торговые центры Россіи отъ завоеваннаго оазиса,—что же ужъ это за сосѣдство? Если же сила роковаго значенія закона такъ велика, что даже культура Красноводска и форта Михайловскаго могла вліять на необходимость покоренія страны, крайняя точка которой отстоитъ отъ него на 400 верстъ, то гдѣ же предѣлъ нашего наступательнаго движенія въ Азіи, въ силу высоты нашей культуры надъ сосѣдней, понимая послѣднюю отстоящей на 200, 300 и даже 400 верстъ отъ послѣдняго казачьяго разѣзда, или отъ мѣста расположенія послѣдней линейной роты? Не ясно ли, что при такомъ широкомъ примѣненіи историческаго закона, экспедиція не могла бы имѣть конца и рядомъ съ этимъ начало ея не имѣло бы обыкновеннаго (а не историческаго) смысла для современниковъ!

Путь г. Анненкова — еще болѣе не ясный путь. Безспорно, его историческій законъ универсальнѣе и общѣе закона разнокультурнаго сосѣдства, но въ такой же мѣрѣ и непонятнѣе. Положимъ, что завладѣвъ Грузіей, намъ пришлось—частію, дѣйствительно, роковымъ путемъ сосѣдства, завладѣть наконецъ и Дагестаномъ, но врядъ ли покореніе Грузіи Россіею есть результатъ того же громаднаго инстинктивнаго возвращенія человѣчества на востокъ, которое подчиняло себѣ и честолюбивые планы Александра Македонскаго, и походы римлянъ въ Іудею. Существуетъ или нѣтъ несомнѣнная историческая необходимость въ этихъ „*vat*“ и „*vient*“ съ запада на востокъ исторически извѣстныхъ народовъ, — для нашихъ дѣйствій

совершенно безразлично. Если такой универсальный и на громадномъ пространствѣ времени дѣйствующій законъ и существуетъ, то вліяніе его на наши сегодняшніе поступки, дѣянія и ихъ ближайшія причины, не болѣе вліянія космическаго закона тяготѣнія. Это есть простое вліяніе среды дѣйствія, на которое могутъ указывать только крайніе фаталисты, съ точки зрѣнія которыхъ мы не можемъ даже и понять надобности какихъ либо изслѣдованій и изысканій.

Вотъ почему намъ кажется, что объяснять завоеваніе Ахаль-Текинскаго оазиса тою же причиною, какъ и открытіе мыса Доброй-Надежды — значить вовсе ничего не объяснить, и если бы кромѣ исторически-роковыхъ путей гг. Барановскаго и Анненкова не существовало другихъ, болѣе осязательныхъ объясненій, то завоеваніе оазиса представлялось бы голой загадкой.

По счастью, для насъ есть еще путь исторической необходимости, болѣе ясной, чѣмъ путь разнокультурнаго сосѣдства, и болѣе близкой, чѣмъ законъ, которому люди подчинялись еще во времена доисторическія.

У Англіи, сильной на морѣ, и Россіи, сильной на континентѣ,— нѣтъ удобнаго поля брани, на которомъ можно было бы, пропорціонально дѣйствительнымъ силамъ этихъ державъ, разрѣшить нѣкоторые противорѣчивые интересы. Съ теченіемъ времени, необходимость эта (чувствуемая уже очень давно) дѣлается очевиднѣе и все ближе и ближе тянетъ къ развязкѣ. Вотъ почему за послѣдніе годы, какъ указываютъ гг. Костенко и Мартенсъ, обѣ державы какъ-то невольно сближаютъ свои средне-азиатскія владѣнія, и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ни той ни другой самыя покоренныя страны съ ихъ народами не общаются рѣшительно никакихъ выгодъ. Отсюда становится совершенно понятнымъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдитъ Англія за нашими походами въ степяхъ разныхъ кочевыхъ неудобоназываемыхъ народовъ, какъ искренно считаютъ наше пораженіе—своей побѣдой, нашу побѣду—своимъ пораженіемъ.

Съ точки зрѣнія вотъ этой, такъ же роковой исторической необходимости—послѣднее русское завоеваніе приобретаетъ громадный историческій интересъ, становится въ ряды подвиговъ народа, плодами котораго воспользуется отдаленнѣйшее его потомство.

Разумѣется и мы, подобно г. Анненкову и всѣмъ здравомыслящимъ людямъ, отнюдь не принадлежимъ къ числу лицъ, готовыхъ ежеминутно воевать съ Англіей и считающихъ для Россіи выгоднымъ все то, что непріятно коварному Альбіону. Но рядомъ съ этимъ, не считаемъ выгоднымъ недоговаривать то, что и безъ того очевидно массѣ. Въ Англіи на этотъ счетъ гласности гораздо болѣе, чѣмъ лучшимъ доказательствомъ можетъ служить книга Бульгера, въ которой не только англо-русское столкновеніе считается неизбѣжнымъ, но и мѣсто его опредѣляется съ достаточною точностью и прямою. Съ другой стороны, возможно, что дѣло станетъ яснымъ безъ личнаго

столкновенія двухъ европейскихъ антагонистовъ на сѣверной грани Индустана, путемъ прямого вліянія на аборигеновъ этихъ странъ, и тутъ-то, можетъ быть, суждено русской человѣчности, терпимости, здравому смыслу—одержать высшую, хотя въ прямомъ смыслѣ безкровную побѣду надъ предпримчивостью, торгашествомъ и купеческою алчностью высоко-культурныхъ англичанъ.

Думая такъ, мы, разумѣется, полагаемся на прочность роковаго историческаго закона г. Туганъ-Мирзы-Барановскаго, не оставляющаго намъ никакой надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ будущимъ архи-культурнымъ сосѣдствомъ индѣйскаго Альбіона, но посягательство это оправдывается способностью русскаго солдата не только покорять страны, но и сердца ихъ обитателей, даже столь храбрыхъ и воинственныхъ, какъ сердца новыхъ нашихъ согражданъ въ оазисѣ Ахаль-Теке.

Оставивъ поэтому исторіи слѣдовать по начертанному ей роковому пути событій, сами вернемся къ факту завоеванія и всѣмъ его поучительнымъ для будущихъ временъ деталямъ.

II.

Походъ на халатниковъ.

Военнаго уваженія, которымъ пользуются въ настоящее время текинцы, вовсе не существовало въ то время, когда пароходы общества „Кавказъ и Меркурій“ одинъ за другимъ подходили къ плоскому берегу Чикишляра и съ большими трудностями высаживали войска и тяжести, необходимыя для продолженія роковыхъ путей исторіи. Роковые пути эти тогда казались шуткою и предстоящая война съ „халатниками“, не пугая никого, причислялась скорѣе къ образовательно-военнымъ экспедиціямъ, въ которыхъ войска учатся военному дѣлу и путемъ небольшихъ потерь, кое-какихъ лишеній и трудовъ, добиваются хорошей практики и недурной славы.

Ауль Чикишляръ, принадлежавшій іомудамъ и послужившій операціоннымъ пунктомъ экспедиціи, впервые былъ занятъ нами въ 1871 году, во время хивинскаго похода, съ цѣлю болѣе удобнаго пріобрѣтенія у кочевниковъ верблюдовъ. Съ тѣхъ поръ его оставляли и занимали нѣсколько разъ во время рекогносцировокъ по р. Атреку, но 20-го сентября 1878 года, онъ былъ занятъ окончательно, превращенъ въ небольшое укрѣпленіе и снабженъ постояннымъ гарнизономъ. Какъ морская пристань, Чикишляръ былъ въ высшей степени невыгоденъ. Суда могли останавливаться только верстахъ въ 5 отъ берега, на совершенно открытомъ для всѣхъ вѣтровъ рейдѣ, что крайне затрудняло выгрузку, которая могла производиться только съ помощію туркменскихъ лодокъ, получавшихъ по 2 р. въ день рабочей

и по 1 р. въ день прогула. Кромѣ того, Чикишляръ не рѣдко затопляется, что и случилось, во время пребыванія тамъ экспедиціоннаго отряда два раза, 7 и 11 іюня, при чемъ первое наводненіе, случившееся ночью, сильно перетревожило весь лагерь, внезапно очутившійся въ водѣ. Не смотря однако на всѣ эти неудобства, Чикишляръ былъ выбранъ, какъ базисъ для предстоящихъ дѣйствій потому, что войска, двигаясь по р. Атреку, не должны были страдать отъ безводія, такъ какъ до оазиса былъ только одинъ переходъ безъ воды, не болѣе 46 верстъ долиною, тогда какъ при движеніи изъ Красноводска, представлявшаго всѣ выгоды хорошей морской стоянки для судовъ, войскамъ угрожалъ походъ по безводной мѣстности почти въ 200 верстъ. Кромѣ того, генераль Лазаревъ рассчитывалъ, двигаясь вдоль границы Персіи, имѣть вездѣ готовый провіантъ, доставка котораго даже отдана была персидскимъ подрядчикамъ. Послѣдній расчетъ не оправдался только благодаря проискамъ англичанъ при тегеранскомъ дворѣ, откуда послѣдовало приказаніе усилить пограничные кордоны и запретить всякое сношеніе съ русскимъ экспедиціоннымъ отрядомъ.

Войска начали прибывать къ Чикишляру съ апрѣля мѣсяца и къ іюню маленькій аулъ разросся въ порядочный приморскій городокъ, гдѣ шла оживленная дѣятельность, происходила торговля, и не только предметами первой необходимости, но даже ювелирными издѣліями и фотографіей. 1-го іюня, командующій ахаль-текинскимъ экспедиціоннымъ отрядомъ, генераль-адъютантъ И. Д. Лазаревъ, выѣхалъ со штабомъ изъ г. Баку и на слѣдующій день прибылъ въ Чикишляръ. Вслѣдъ за нимъ прибылъ отрядъ „Краснаго Креста“ г. Сараджеева съ двумя докторами и 9 санитарями. Снабдивъ околотки всѣхъ частей войскъ всѣмъ необходимымъ, 17-го іюня часть отряда выступила въ Чатъ для устройства госпиталя, причемъ въ самомъ Чикишлярѣ оставлено было отдѣленіе на 200 кроватей.

На смотру генерала Лазарева, произведенномъ отряду, въ строю находилось 16 батальоновъ пѣхоты (по мирному положенію), 18 сотенъ иррегулярной и 2 эскадрона регулярной кавалеріи, 26 орудій, ракетная батарея и рота саперъ,—т. е. такая сила, которую еще никогда не посылали воевать съ халатниками. Тотчасъ послѣ смотра, рѣшено было выслать впередъ авангардъ, для устройства спусковъ къ рр. Атреку и Сумбару, рытья колодцевъ и т. п. въ составѣ 3 батальоновъ, 5 сотенъ кавалеріи при 2 горныхъ орудіяхъ, начальникомъ котораго былъ назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукой.

Авангардъ выступилъ изъ Чикишляра 6 іюня, и съ этого числа слѣдуетъ считать начало злополучнаго для насъ похода. До укрѣпленія Дузь-Олума авангардъ этотъ двигался почти безостановочно, устраивая кое гдѣ спуски къ рр. Атреку и Сумбару, прокладывая дороги и занимаясь рытьемъ колодцевъ. Только на перевалѣ черезъ

горный отрогъ Бекъ-Тепе пришлось остановиться подождать, и дѣйствительно, занявъ Теръ-Саханъ, отрядъ князя Долгорукова просто-ялъ здѣсь до 15 іюля.

Остальныя войска почти два мѣсяца послѣ выступленія авангарда оставались еще въ Чикишлярѣ, и только къ концу іюля усиленная дѣятельность вагенбурга заявила о выступленіи главныхъ силъ. Выступленіе началось въ ночь съ 29 на 30 іюля колонною графа Борха, въ составъ которой вошли 4 батальона пѣхоты, полубатарея пѣшей артиллеріи и 4 горныхъ орудія. Кавалерія, въ составѣ 2 эскадронъ драгунъ, сотни казаковъ, полубатареи конной артиллеріи и ракетной батареи, подъ начальствомъ князя Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебурга, выступила къ 6 часамъ утра 31 іюля.

Самъ генералъ Лазаревъ, уже пораженный смертельною болѣзнью, выѣхалъ изъ Чикишляра въ коляскѣ 10 августа; 13 онъ прибылъ въ Чатъ, гдѣ у него открылись еще два карбункула. Не смотря на это, онъ все таки хотѣлъ продолжать путь, не желая задерживать долѣе движеніе отрядовъ, но неожиданно для всѣхъ, въ ночь съ 13 на 14 августа, началась агонія и онъ скончался въ Чатѣ, въ 4^{1/2} часа утра 14 августа. Отрядъ остался подъ временнымъ начальствомъ лицъ, обладавшихъ храбростію и энергіею, но не имѣвшихъ той боевой опытности и боевой выдержки, которою въ такой значительной степени обладалъ испытанный вожь кавказскаго воинства Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ, которыя въ войнѣ съ неизвѣстнымъ непріателемъ такъ особенно необходимы. Детали походнаго движенія главныхъ силъ графа Борха и князя Витгенштейна до вступленія въ Ахаль-Текинскій оазисъ немногосложны. Путь слѣдованія всѣхъ трехъ колоннъ ясно чертится по картѣ ⁴⁾. Колонны при наступленіи изъ Чикишляра направлялись къ югу на колодцы Беюнъ-Баши, и затѣмъ слѣдовали вверхъ по теченію Атрека до укрѣпленія Чатъ. Пространство это, имѣющее около 170 верстъ, пройдено въ 6 сутокъ считая въ томъ же числѣ и дневку. Въ Чатѣ войска нѣсколько отдохнули и направились на укрѣпленіе Дузь-Олумъ, перевалили черезъ гору Бекъ-Тепе и къ 15 августу сосредоточились у Теръ-Сахана, небольшого аула туркменъ-гоклановъ, расположеннаго на лѣвомъ берегу р. Сумбара. Здѣсь было получено горестное извѣстіе о смерти генерала Лазарева и о принятіи начальства надъ экспедиціей генералъ-маіоромъ Ломакинымъ. Вообще, весь походъ былъ тягостенъ и однообразенъ. Первые же шаги показали неумѣнье солдатъ обращаться съ верблюдами, что вело къ бесполезной мукѣ этихъ несчастныхъ по судьбѣ, неприхотливыхъ и невзыскательныхъ, кораблей пустыни. Вода въ колодцахъ оказывалась или гнилою, если застаивалась, или нерѣдко горько-соленою. Вода Атрека и Сумбара.

⁴⁾ Приложенная карта къ статѣ г. Демурова въ Мартовской книжкѣ „Историч. Вѣстн.“ вполне достаточна для полнаго представленія походнаго движенія нашихъ отрядовъ.

походила на желтую грязь съ огромнымъ осадкомъ глины, а войска не имѣли квасцовъ съ помощью которыхъ очищеніе такихъ водъ столь просто. Жара и жажда, вызывавшія миражи, сильно утомляли людей и животныхъ. Появилась дезинтерія, съ первыхъ же дней доставившая чатскому госпиталю зловѣщую репутацію. Верблюды и лошади падали отъ недостатка корма, люди изнемогали отъ жажды и жары и нерѣдко поражались солнечными ударами. Въ Теръ-Саханѣ ко-всему прочему присоединились нестерпимые ночные холода, повлекшіе къ простуднымъ и лихорадочнымъ заболѣваніямъ. Санитарное состояніе отряда было бѣдственно.

Начиная съ Бекъ-Тепинскаго перевала, пустынная равнина уступила мѣсто высокимъ, опаснымъ, но столь же непривѣтливымъ и лишеннымъ всякой растительности холмамъ. Ни кустика, ни деревца, ни зелени! Только кое гдѣ въ глубинѣ ущелья, по которому протекала жидкая грязь рѣки Сумбара, попадалась верблюжья колючка, зеленѣла кое какая ничтожная травяная растительность. Между тѣмъ, эти голыя глибы извѣстняка, эти песчаные скаты, кишѣли отвратительною для человѣка жизнью ядовитыхъ гадовъ. Змѣи всѣхъ породъ, ящерицы, хамелеоны, тарантулы, скорпионы и фаланги, поминутно показываясь на раскаленной поверхности и снова куда-то исчезая, еще болѣе разстраивали нервы непривыкшему къ такимъ безотраднымъ картинамъ русскому воинству.

Но воинство не унывало и шло, боясь только, чтобы непріятель не удралъ раньше стычки и тѣмъ не превратилъ всего похода по „проклятому“ мѣсту въ бесплодную и безрезультатную рекогносцировку.

17-го августа, по приказанію генерала Ломакина, войска отряда выступили изъ Теръ-Сахана на колодцы Маргелъ и оттуда на Халжа-Кала и къ 20-му августа соединились въ укрѣпленіи Бендесенѣ, на перевалѣ черезъ Конетъ-Дагъ въ обѣтованный оазисъ.

III.

Въ погонѣ за славой.

Начальникъ авангарда, флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій, которому принадлежитъ главная роль въ дѣйствіяхъ окончившихъ походъ на халатниковъ, изъ всѣхъ хорошихъ военныхъ правилъ усвоилъ себѣ безусловное блохеровское „vorfwärts“, но забылъ при этомъ, что наступленіе впередъ и впередъ—не единственное правило, которое необходимо знать военачальнику. Съ самаго выхода изъ Чикишляра, онъ летѣлъ къ побѣдѣ, едва задерживаясь на серьезныхъ перевалахъ для работъ только—только необходимыхъ. Дойдя до Хаджи-Кала, онъ немедленно же началъ энергически дѣй-

ствовать. Тутъ онъ встрѣтилъ первую толпу текинцевъ, оберегавшихъ стада барановъ; быстрымъ налетомъ пастухи были обращены въ бѣгство, нѣкоторые убиты, а 4000 барановъ достались побѣдителю. Занявъ Бендесень, князь Долгорукій оставилъ здѣсь пѣхоту и съ кавалеріей, охотниками и горными орудіями, миновалъ горный перевалъ и занялъ Бами, большой аулъ (къ этому времени покинутый жителями) среди Ахаль-Текинскаго оазиса. Изъ Бами имъ же были направлены два конные отряда къ Кара-Сигеру и Ніазу, которые нагнали текинцевъ, разбитыхъ уже подъ Хаджи-Кала, и отбили у нихъ еще 6000 барановъ и 1200 верблюдовъ. Съ этими первыми трофеями начальники авангарда, оставивъ Бами, вернулись къ общему сбору въ Бендесень.

22-го августа, генералъ Ломакинъ прибылъ со штабомъ къ собравшемуся отряду, произвелъ парадъ, отслужилъ панихиду по генералѣ Лазаревѣ, затѣмъ напутственный молебенъ, и объявилъ въ приказѣ о вступленіи въ непріятельскую землю.

По занятіи, 24-го августа, укрѣпленнаго аула Арчманъ, русскіе въ первый разъ увидѣли населеніе текинцевъ, которое въ числѣ 100 семействъ выслало на встрѣчу депутацію съ изъявленіемъ покорности, такъ какъ до этого пункта ни въ Бами, ни въ Беурмѣ, взрослыхъ и способныхъ къ самозащитѣ текинцевъ не встрѣчалось. Вообще, все населеніе оазиса распалось на три части: аулы Кизиль-Арватъ и прилегающія къ нему мелкія поселенія западныхъ текинцевъ изъяснили полупокорность, сохраняя до поры до времени родъ нейтралитета; жители средней части, за исключеніемъ Арчмана, собрались въ числѣ 30000 душъ со всѣми семьями и стадами у наиболѣе изъ укрѣпленныхъ ауловъ—Геокъ-Тепе, лежащаго у подножія почти отвѣсныхъ скалъ Копетъ-Дага. Населеніе восточной части оазиса сосредоточились у Гаурса и Асхабада.

Миновавъ Арчманъ, войска принуждены были идти въ полномъ боевомъ порядкѣ, такъ какъ на слѣдующемъ же переходѣ текинцы начали ихъ тревожить внезапными выстрѣлами изъ засадъ и налетами ихъ многочисленной, хотя и плохо вооруженной кѣнницы.

27-го августа, весь отрядъ стянулся къ аулу Яроджа, гдѣ предполагали дать ему дневку—но, замѣчаетъ г. Туганъ-Мирза-Барановскій, боязнь, чтобы текинцы какъ нибудь не ушли, вызвала немедленно движеніе впередъ.

Между тѣмъ, пѣхота отъ самаго Бендесена (4 сутокъ) шла безъ отдыха и притомъ едва ли не босая, такъ какъ вся обувь ея износилась.

— Vorwärts, immer vorwärts! гласили военачальники, жаждавшіе славы, и потому къ 8-ми часамъ вечера 27-го августа, было рѣшено наступать двумя колоннами:

Первая—авангардная, въ составѣ 3-хъ батальоновъ (по 200 человекъ въ батальонѣ), 6 малыхъ орудій и 4 эскадроновъ кавалеріи,

подъ начальствомъ князя Долгорукова, должна была выступить въ 2 часа по полуночи. При этой колоннѣ находились командующій отрядомъ и князь Витгенштейнъ.

Часомъ позже, слѣдовало выступить второй колоннѣ, графа Борха, съ главными силами, которыя составляли: 3 батальона пѣхоты и рота саперъ, 8 орудій и сотня кавалеріи.

Наконецъ, еще часомъ позже, назначалось выступить вагенбургу, подъ прикрытіемъ 6-ти ротъ пѣхоты, 2-хъ орудій и сотни казаковъ. На разсвѣтъ туманнаго и роковаго для насъ 28-го августа, эта диспозиція стала приводиться въ исполненіе. Ровно въ 2 часа пополуночи, пѣхота колонны князя Долгорукова двинулась въ походъ и черезъ полчаса за нею послѣдовала и кавалерія.

Расстояніе между Яроджей и Геокъ-Тепе предполагалось въ 12 верстъ, между тѣмъ, это расстояние оказалось вдвое большимъ. Дорога большею частію была ровная, но не доходя 10 верстъ до укрѣпленія текинцевъ, начинались довольно высокіе холмы. Только-что передовыя войска перевалили черезъ эти возвышенности, какъ текинцы, въ числѣ 2000 человекъ, начали фланговыя и тыльныя атаки на подступавшіе войска. Эти атаки, мало приносившія урона, однако настолько задерживали наступленіе, что колонна князя Долгорукова подошла къ Геокъ-Тепе только въ полдень, т. е. до начала боя находилась въ пути 10 часовъ безъ питья и пищи.

Посмотримъ же, что этимъ войскамъ поручили сдѣлать. Укрѣпленіе Геокъ-Тепе представляетъ прямоугольникъ, длинныя стороны котораго имѣютъ около 700, а короткія около 450 сажень. Сѣверныя и западныя его стороны ограждены двумя параллельными валами, изъ которыхъ передъ наружнымъ, имѣющимъ около 3 сажень высоты, находился ровъ въ 2 сажени глубиною, затѣмъ на нѣкоторомъ разстояніи тянулся водяной ровъ, сзади котораго былъ насыпанъ еще валъ, вышиною въ одну сажень. Съ восточной и южной сторонъ укрѣпленіе окружено полями джунгары (родъ кукурузнаго растенія), сзади которыхъ имѣлась невысокая (около 3 фут.) глиняная стѣнка съ треугольнымъ ровикомъ впереди. Такою же стѣнкою отдѣлялся также почти квадратный „загонъ“, примыкавшій къ сѣверо-западному углу крѣпости и представлявшій закрытый ходъ изъ крѣпости въ „калу“, т. е. квадратный дворъ, окруженный глиняными высокими (до 5 сажень) стѣнами, съ небольшими ровиками впереди. Кала, примыкавшая къ загону, съ западной стороны была единственная, но недалеко отъ нея находилась еще укрѣпленная мельница, на протекавшемъ впереди всего фронта крѣпости арычѣ. За то съ восточной стороны такихъ калъ было три, хотя только одна изъ нихъ, къ моменту штурма, была занята непріателемъ ¹⁾.

¹⁾ Такое описаніе Геокъ-Тепе, сопровождаая его планомъ, даетъ г. Барановскій, но оно невѣрно, судя по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ и точнымъ съемкамъ топографовъ

Численность этого неприятеля г. Барановскій опредѣляетъ въ 15 тысячъ человѣкъ, но кромѣ нихъ за тѣми же валами помѣстилось еще 12 тысячъ кибитокъ, такъ что все населеніе укрѣпленія доходило до 30 тысячъ. Часть этихъ кибитокъ не умѣстилась внутри крѣпости, а потому до 400 изъ нихъ были тѣсно размѣщены между первымъ и вторымъ валомъ въ шахматномъ порядкѣ и приспособлены до нѣкоторой степени къ оборонѣ.

Къ полудню 28-го августа, передовая колонна отряда, послѣ 2-хъ часовой перестрѣлки съ джигитами и наѣздниками, подошла къ крѣпости. 800 ружей и 6 мелкихъ орудій—вотъ что составляло боевую силу этого отряда. И тѣ и другія находились въ рукахъ людей, въ высшей степени измученныхъ жаждой, жарой и усталостью. Подойдя къ Геокъ-Тепе, генералъ Ломакинъ тотчасъ же выдвинулъ 6 орудій отряда на позицію и приказалъ открыть огонь по мельницѣ и калѣ, составлявшей сѣверо-западный уголъ укрѣпленія. Огонь нашихъ орудій, снаряды которыхъ попадали въ густыя массы текинцевъ, находившихся за валами, производилъ ужасающее опустошеніе. Видя эти потери среди женъ и дѣтей своихъ и не желая умирать массами, текинцы сдѣлали вылазку. Генералъ Ломакинъ приказалъ играть наступленіе и наши батальоны, опрокинувъ нестройныя полчища „халатниковъ“, ворвались въ средину первой калы. Къ этому же времени часть кавалеріи, подъ начальствомъ князя Голицына, обскакала укрѣпленія съ сѣвера на востокъ и заняла спѣшенными драгунами калу, занятую на восточной сторонѣ текинцами.

Можно себѣ представить, какія опустошенія производили снаряды нашихъ орудій, попадавшіе въ густое населеніе, собравшееся за стѣнами крѣпости. Вотъ почему нѣтъ ничего невѣроятнаго въ показаніяхъ нѣкоторыхъ, что еще въ началѣ боя часть текинцевъ выходила изъ крѣпости съ изъявленіемъ покорности; но генералъ Ломакинъ потребовалъ, чтобы сдались муллы и ишаны, безъ чего не соглашался прекратить огня. Тогда часть женщинъ и дѣтей попробовала выйти изъ крѣпости на востокъ, но и эта попытка была парализована кавалеріей князя Голицына.

Халатникамъ оставалось только... умирать. Между тѣмъ авангардъ, хотя и съ успѣхомъ, но уже дрался 3 часа, а главныя силы еще только подходили. Казакъ, посланный за ними, былъ убитъ, а начальникъ главной колонны, графъ Борхъ, не могъ не дать отдыха своимъ людямъ, рѣшительно изнемогавшимъ подъ палящимъ зноемъ.

Къ тремъ часамъ, эти войска, находившіяся въ пути 12 часовъ, подошли къ укрѣпленію и тотчасъ же стали занимать позицію.

и инженеровъ отряда генер. Скобелева. Но такъ какъ между 28 августа 1879 и 12-мъ января 1881 года текинцы могли многое измѣнить въ деталяхъ укрѣпленій, а г. Барановскій далъ описаніе, которое казалось вѣрнымъ штурмующимъ, то мы сохраняли его здѣсь, предполагая въ слѣдующемъ номерѣ „Истор. Вѣстн.“ дать настоящій планъ этой памятной для насъ мѣстности. В. П.

Размѣщеніе всѣхъ войскъ отряда (1300 человекъ) передъ штурмомъ было крайне просто. Они размѣстились на равныхъ дистанціяхъ, часть отъ части въ 500 шагахъ, противъ западнаго и сѣвернаго фасовъ возвышавшагося передъ ними укрѣпленія. Слабыя части кавалеріи наблюдали за восточной и южной его сторонами. Позади пѣхотныхъ частей стояла артиллерія, противъ каждаго фаса по 8 орудій. Ровно въ 5 часовъ раздался сигнальный выстрѣлъ изъ 4-хъ орудій и войска дружной массой бросились на крутые откосы стоявшихъ передъ ними валовъ.

Но въ тотъ же моментъ на вершинѣ тѣхъ же валовъ вдругъ выяснилась фигура муллы въ развѣвающейся одеждѣ, съ кораномъ въ рукѣ, произносившаго священное закланіе. По его призыву изъ разныхъ выходовъ укрѣпленія на русскіе батальоны (!) бросилась масса фанатизированныхъ храбрецовъ, разъ въ пять превышавшихъ число штурмующихъ. На каждый штыкъ приходилось 5—6 шашекъ, стрѣлять было некуда, такъ какъ наши войска утонули въ нахлынувшей толпѣ текинцевъ. Началась ужасающая свалка! Мужество русскаго воинства было подвергнуто страшному испытанію. Войска наши, застигнутыя врасплохъ, думавшія болѣе о томъ, чтобы халатники не бѣжали, и вовсе не ожидавшія такого энергическаго нападенія и притомъ измученныя, стойко выдержали ударъ этой, внезапно налетѣвшей на нихъ, лавины. Но масса взяла свое, горсть храбрецовъ должна была, наконецъ, уступить—и въ это-то критическое время только хладнокровіе русской артиллеріи, непотерявшейся въ общей суматохѣ и суетнѣ и подпустившей отчаянную атаку текинцевъ, подъ предводительствомъ Берды-Мурадъ-хана, на 15 сажень, спасла отрядъ отъ возможнаго окончательнаго его истребленія.

Пять мѣткихъ картечныхъ залповъ, изъ которыхъ однимъ былъ убитъ Берды-Мурадъ-ханъ, остановили отчаянную атаку текинцевъ и заставили ихъ снова искать убѣжища за валами крѣпости.

Мы пишемъ не военную исторію, и потому опускаемъ множество поразительнѣйшихъ деталей этого чрезмѣрно энергическаго штурма. Читатели „Историческаго Вѣстника“ уже имѣютъ понятіе о причинахъ неудачи, постигшей генерала Ломакина подъ стѣнами крѣпости „халатниковъ“, изъ правдивой статьи г. Демурова, одного изъ участниковъ злополучнаго штурма. Въ книгѣ г. Т. М. Барановскаго, подробностей, детальныя свѣдѣнія о дѣйствіи каждой части войскъ и едва ли не каждаго изъ офицеровъ, находится еще болѣе ¹⁾. Но все

¹⁾ Замѣчу, для бібліографической точности, вѣчто по адресу автора брошюры „Русскіе въ Ахалъ-Текѣ 1879 г.“ У него Переяславскимъ драгунамъ отведена слишкомъ активная роль въ злополучномъ штурмѣ. Безспорно, это одинъ изъ лучшихъ кавказскихъ полковъ, но все-таки трудно вѣрится, чтобы они всюду поспѣвали, являясь то кавалеріей, то пѣхотой, скакали въ атаку, ходили въ штыки и, главное, вездѣ являлись главными вершителями дѣла. Увлеченіе сослуживца простиительно, любовь къ своему знамени—необходимая доблестъ военнаго, но правдивый историкъ

это, имѣя высокій личный интересъ и сохраняя достаточную чисто военную поучительность, все-таки мелко въ изложеніи крупнаго историческаго факта, и потому мы выпускаемъ эти подробности.

Пусть вспомнитъ читатель разсказъ г. Демурова, какъ отступавшіе подъ натискомъ халатниковъ солдаты, падая отъ изнеможенія и усталости, обращали къ не менѣе ихъ измученнымъ офицерамъ свои отчаянныя жалобы:

— Ваше благородіе, моченьки нѣтъ! Ваше благородіе, патроновъ нѣтъ! Ваше благородіе, водицы бы испить!

Пусть вспомнитъ онъ эти крики, великіе по своей простотѣ и выразительности, и этого будетъ достаточно, чтобы вполне вѣрно оцѣнить размѣръ понесеннаго нами пораженія. Цифры потерь немного прибавятъ къ этому. Изъ 1300 человекъ сражавшихся, убито 26 офицеровъ и 426 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, то есть, изъ трехъ бывшихъ пострадалъ одинъ. Въ свою очередь, текинцы потеряли до 2000 человекъ изъ числа сражавшихся, и 3000 женщинъ и дѣтей болѣе или менѣе пострадали отъ выстрѣловъ по крѣпости.

Очевидно, что противники были достойны другъ друга, и образъ „халатника“, живущаго въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ, путемъ кровавой драмы 28-го августа, безслѣдно исчезъ въ нашемъ представленіи о текинцахъ.

IV.

Возвращеніе.

Легко гг. стратегамъ въ своихъ положеніяхъ, имѣющихъ всегда передъ глазами условія европейскихъ войнъ, писать правила объ отступленіи въ порядкѣ. Интересно было бы послушать, что бы они посоветовали злополучной горсти измученныхъ, обезсиленныхъ людей, передъ которыми находится побѣдитель въ 5—6 разъ ихъ сильнѣйшій, а сзади тянется 400 верстная пустыня, отдѣляющая ихъ отъ операціонной базы? Какъ въ этомъ случаѣ отступить въ порядкѣ, если на рукахъ этихъ же воиновъ находятся еще 250 человекъ изувѣченныхъ въ бою товарищей?

Въ теоріи—такое отступленіе невысказуемо, но на практикѣ дѣлаютъ то, что можно, не задаваясь далекими цѣлями, полагаются на судьбу и случай, стараясь болѣе инстинктивно, чѣмъ умственно, поскорѣе выдти изъ сферы, ближайшей изъ всѣхъ угрожающихъ опасностей.

все-таки долженъ усмирять въ себѣ военнаго. Такъ, напримѣръ, послѣ такого штурма, какъ штурмъ 28-го августа, трудно повѣрить слѣдующему свидѣтельству автора. Описывая возвращеніе на бивакъ заблудившихся при отступленіи Переяславцевъ, г. Барановскій пишетъ: „Точно гора съ плечъ свалилась у всѣхъ; „драгуны вернулись!“ пронеслось по отряду и все свободно вздохнуло... все оживилось“ (стр. 125).

Что обрадовались—это вѣрно, но чтобы оживились и свободно вздохнули — наврядъ!

В. П.

Къ 8 часамъ вечера 28-го августа, разбитый отрядъ генерала Ломакина, отступая со всѣхъ пунктовъ, стаялся у мельницы, расположенной на дальнемъ арыкѣ, въ трехъ верстахъ отъ крѣпости. Идти далѣе не было физической возможности и потому отрядъ остановился. Изъ предосторожности не приказано было разводять костровъ, и солдаты остались безъ горячей пищи, а верблюды и лошади безъ поила. Наступила прохладная темная южная ночь. Въ лагерѣ царствовала угрюмая тишина, прерываемая иногда стопами раненныхъ или ревомъ голодныхъ и непоенныхъ верблюдовъ. Сначала еще не знали, что будетъ утромъ, повтореніе ли штурма или отступление. Господинъ Туганъ-Мирза Барановскій сомнѣвается въ необходимости отступления, г. Демуровъ—признаетъ его неизбежнымъ. Факты рѣшаютъ разногласіе въ пользу послѣдняго. Именно потому, что въ текинцахъ видѣли простыхъ халатниковъ, а узнали въ нихъ воиновъ въ тотъ моментъ, когда уже ничего нельзя было поправить, — защитники Геокъ-Тепе одержали не только матеріальную, но и нравственную побѣду надъ русскими. Можетъ быть, учащенною стрѣльбою по семьямъ текинцевъ можно было заставить ихъ покинуть крѣпость, но отрядъ генерала Ломакина не могъ уже завоевать оазисъ—онъ почувствовалъ свою слабость, а это чувство есть главное основаніе неуспѣха всякаго, а тѣмъ болѣе военнаго, дѣла.

Отступление было неизбежно, и только впечатлѣнію богатырей, произведенному нашими войсками на текинцевъ, слѣдуетъ объяснить сравнительно счастливый характеръ этого отступления. Зная и видя, какую цѣною покупается побѣда надъ русскими, текинцы съ удовольствіемъ построили намъ золотой мостъ отступления, по всѣмъ правиламъ, рекомендуемымъ въ стратегіи генерала Леера. Они вѣжливо, но постоянно преслѣдовали отрядъ, какъ бы приглашая его удалиться изъ оазиса.

Справедливость такихъ соображеній подтверждается еще болѣе офѣнкою отряда генераломъ Тергукасовымъ, прибывшаго 19-го сентября въ укрѣпленіе Чатъ и послѣ смотра рѣшившаго невозможнымъ продолжать съ тѣми же войсками экспедицію.

Очевидно, дѣйствительное значеніе пораженія при Геокъ-Тепе понимали и тѣ, которые еще наканунѣ такъ спѣшили не упустить случай немедленно наказать текинцевъ, и потому утро принесло категорическое приказаніе отряду: отступать!

Но даже и по золотому мосту, отряду, болѣе конвоируемому, нежели преслѣдованному, отступать было трудно, при чемъ, разумѣется, всего болѣе мукъ и страданій выпало на долю раненныхъ. Санитарныхъ и перевязочныхъ средствъ было мало. При отрядѣ находился отрядъ Краснаго Креста, имѣвшій 10 одноконокъ, при 9 человѣкахъ санитаровъ. Въ каждой одноконкѣ помѣщалось только по 4 человѣка, а раненныхъ было 248! Кромѣ 40 счастливцевъ, попавшихъ въ

одноконки, 8 человѣкъ были упакованы въ каруцу, принадлежавшую Переяславскимъ драгунамъ, а остальные, которые рѣшительно не въ силахъ были идти, привязывались къ бокамъ верблюдовъ!

У г. Барановскаго картины этой перевозки выражены весьма рельефно и потому мы позволимъ себѣ нѣсколько дословныхъ выписокъ.

Раненымъ, помѣщеннымъ въ одноколкахъ и каруцѣ, было сравнительно недурно, покуда ѣхали по ровному мѣсту; но имъ приходилось очень плохо, когда путь пролегалъ по мѣстностямъ, усыпаннымъ камнями.

„При каждомъ сильномъ толчкѣ—говоритъ г. Барановскій—они сталкивались другъ съ другомъ; нерѣдко отъ этихъ сотрясеній у раненаго сползала перевязка и рана открывалась, причѣмъ больной, до прибытія доктора или фельдшера, истекалъ кровью. Разъ я увидѣлъ каруцу, медленно подвигавшуюся впередъ; изъ боковаго отверстія ея высунулась по колѣно чья-то нога и мѣрно била тактъ о бокъ каруцы. Подѣхавъ къ ней, я замѣтилъ шедшему рядомъ солдату, чтобы онъ поправилъ несчастному ногу. „Да ее, ваше благородіе, некуда сунуть“.—Какъ некуда? возразилъ я удивленно и слѣзъ съ лошади. Подошелъ къ каруцѣ, заглянулъ въ нее. Боже мой, что тамъ дѣлалось! Туловища, руки, головы, ноги—все было перепутано. Въ первый моментъ я не могъ разглядѣть, что кому принадлежитъ. Солдатъ почти правду сказалъ, что висѣвшую ногу некуда сунуть. Несчастный хозяинъ ея лежалъ безъ чувствъ и мало о ней заботился“.

Каково же было ѣхавшимъ на верблюдахъ?!

„Верблюдъ, какъ извѣстно, на ходу двигается иноходью, покачиваясь то въ одну, то въ другую сторону. Ёзда на немъ въ высшей степени утомительна и для здороваго человѣка, особенно съ непривычки; накова же она была для раненыхъ, которые въдобавокъ еще были привязаны веревками, протиравшими имъ ноги? Вотъ идетъ мимо насъ верблюдъ; съ боку его привязанъ раненый солдатъ съ помертвѣлымъ лицомъ; слѣды застывшей крови чернѣютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на рубашкѣ; онъ привязанъ въ сидѣчемъ положеніи къ подставкѣ. Мѣрно выступаетъ верблюдъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, раненый тоже покачивается всѣмъ тѣломъ, ударяется въ тактъ спиной о сѣдло и испускаетъ глухіе стоны. Ноги его висятъ на воздухѣ, сильно раскачиваясь. Давно уже несчастный ихъ не чувствуетъ, еще на первой верстѣ перехода онъ у него совершенно затекли. — „Братцы, ослобоните, моченьки моей больше нѣтъ, лучше ужъ помереть“. Но бѣднаго солдата нельзя было снять съ верблюда, такъ какъ пѣшкомъ онъ не въ силахъ былъ идти, вслѣдствіе тяжелой раны въ животѣ, а въ одноколкахъ не было ни одного свободнаго мѣста.

„Въ первые два дня отступленія—прибавляетъ г. Барановскій—когда раненые не были еще разсортированы, многіе изъ нихъ съ болѣе серьезными ранами тащились пѣшкомъ. Между послѣдними были и офицеры. Такъ, напримеръ, поручикъ лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго полка Ардишвили два дня шелъ пѣшкомъ въ цѣпи арьергарда. Его рана весьма замѣчательна: пуля ударила ему въ верхнюю часть правой руки, прошла надъ лопаткой, задѣла слегка позвоночный столбъ, прошла далѣе надъ лѣвой лопаткой и вышла наконецъ наружу. Вслѣдствіе этой раны, ему парализовало обѣ руки и страшно распухла спина. Къ концу втораго дня отступленія несчастный изнемогалъ и только тутъ ему дали лошадь, на которой онъ и поѣхалъ далѣе.

„Нѣсколькихъ изъ наиболѣе тяжело раненыхъ офицеровъ солдаты несли на носилкахъ“.

А кругомъ пустыня, днёмъ палящій зной, а ночью до костей пронизывающій холодъ!

Кромѣ заботы о раненыхъ, отступление затруднялось еще отсутствіемъ провіанта и особенно фуража.

29-го августа, на разсвѣтѣ, войска отряда начали отступление, построившись въ родъ каре, въ головѣ и хвостѣ котораго находилась пѣхота и артиллерія, кавалерія съ ракетными станками по флангамъ, а обозы и санитарныя повозки въ срединѣ. Первое направленіе дано было на Енгіа-Батыръ-кала, по старой дорогѣ, но тутъ генераль Ломакинъ нашелъ удобнѣе придвинуться ближе къ южному крыжу, съ цѣлью обезпечить одинъ флангъ отъ нападенія, и потому повернулъ отрядъ къ Каракарызу. Тутъ снова отрядъ, не раздѣваясь и не пересѣдывая лошадей, провелъ тревожную ночь съ 29 на 30 августа. Текинцы на этомъ первомъ переходѣ мало тревожили отрядъ, однако все-таки самыя строгія предосторожности считались лишними. У Каракарыза, подъ стѣнами укрѣпленія, эриванскій батальонъ похоронилъ прапорщика Григорьева, погибшаго на валахъ Геокъ-Тепе отъ 27 сабельныхъ ударовъ. Первый переходъ солдаты несли трупъ молодаго героя на носилкахъ. На этомъ же привалѣ солдаты и офицеры, послѣ двухъ-суточнаго голода, варили себѣ горячую пищу. Но на слѣдующемъ уже ночлегѣ сталъ оказываться недостатокъ провіанта и солдаты начали истреблять козловъ. Отъ Карыза отрядъ снова повернулъ въ сторону старой дороги и подошелъ къ Дуруну. Затѣмъ движеніе продолжалось къ Арчману, около котораго произошла довольно значительная стычка съ текинцами, спустившимися въ числѣ 800 коней съ горъ отъ аула Нахура.

4-го сентября, отрядъ, двигавшійся хотя и медленно, но постоянно, подошелъ къ Беурмѣ. Здѣсь ему рѣшено было дать отдохнуть и даже генераль Ломакинъ думалъ было укрѣпить этотъ пунктъ и держаться въ немъ до пріѣзда къ отряду генерала Тергукасова, а также и до прихода подкрѣпленій, которыя, дѣйствительно, еще за два перехода ранѣе начали подходить къ отступавшимъ. Но бѣда заключалась въ томъ, что фуража рѣшительно не было, люди также питались лошадиными галетами (приготовленными на конопляномъ маслѣ), предпочитая ихъ тощей козлятинѣ, а лошади и верблюды буквально голодали и падали въ неимоверномъ числѣ. Тѣмъ не менѣе, на третій день приказано было отобрать наиболѣе крѣпкихъ животныхъ и отправить ихъ за провіантомъ въ Дузь-Олумъ. Но черезъ 6 часовъ послѣ того, какъ эти верблюды отправились по назначенію, отрядъ неожиданно для себя получилъ приказаніе—отступить! Оказалось, что было получено извѣстіе о приближеніи Нуръ-Верды-хана съ 15-ю тысячами всадниковъ и артиллеріею, который намѣревался, занявъ Бендесенскій перевалъ, отрѣзать отряду путь отступленія. Поднялась невообразимая суматоха, драка и споры за оставшихся полуживыхъ верблюдовъ, на которыхъ только и можно было двинуть тяжести и

особенно больных отряда. Какъ нивакъ, но въ 1 часу дня, 6-го сентября, отрядъ, однако, выступилъ въ Бами, гдѣ и провелъ ночь, послѣднюю для него въ оазисѣ. На слѣдующій день предстоялъ трудный переходъ въ Бендесенъ черезъ горный перевалъ. Миновавъ его, русскіе вышли изъ оазиса, употребивъ на движеніе туда и обратно 17 сутокъ. Дальнѣйшее движеніе отступающихъ къ Чикишляру не представляетъ интереса. Но вотъ эпизодъ, случившійся въ Бендесенѣ, который также характеренъ для полной картины произведенной нами экспедиціи.

Вотъ какъ сообщаетъ объ этомъ удивительномъ происшествіи г. Т. М. Барановскій.

По приходѣ въ Бендесенъ, утромъ 8-го сентября, пронеслась по отряду всѣхъ поразившая вѣсть,—ночью бѣжали изъ нашего лагеря Тыкма-Сердаръ, ханъ бамійскій и беурмійскій, съ сыномъ своимъ Софи-ханомъ и свитой изъ 8 человѣкъ. Какимъ образомъ имъ удалось бѣжать, этого никто не могъ себѣ объяснить. Они были помѣщены почти въ центрѣ лагеря въ кибиткѣ, къ которой была приставлена стража, вокругъ же лагеря расположена аванпостная цѣпь, и несмотря на то—они бѣжали, и только утромъ это замѣтили.

Само собою, бѣгство военно-плѣнныхъ изъ среды лагеря, явленіе довольно странное—чтобы не сказать болѣе. Не вѣроятнѣ ли, что ихъ просто отпустили, не видя нужды держать долѣе, такъ какъ плѣненіе Тыкма-Сердара сдѣлано было вопреки всякихъ правилъ.

Тыкма-Сердаръ пріѣхалъ въ лагерь добровольно, съ изъявленіемъ покорности и съ обѣщаніемъ дани, но прося русскихъ не входить въ оазисъ. Такихъ условій, конечно, нельзя было принять, но удерживать пословъ, какъ военноплѣнныхъ, тащить ихъ подъ стражею до Геокъ-Тепе, дѣлать старика свидѣтелемъ, какъ русскіе снаряды ложились въ средину кибитокъ, между которыми находилась кибитка и его семьи и затѣмъ провести его назадъ, незнающаго ничего объ участи постигшей его близкихъ,—все это было непростительно безчеловѣчно и, главное, совершенно ни къ чему не нужно. Вотъ почему можно повѣрить г. Барановскому, когда онъ говоритъ, что девять десятыхъ отряда обрадовались, узнавъ объ его побѣгѣ.

Въ Бендесенѣ войска остановились и оправились; здѣсь оказались запасы сухарей и баранины, а для лошадей кое-какой фуражъ. 8-го сентября, однако, отрядъ, все-таки тревожимый еще текинцами, перешелъ въ Теръ-Саханъ, гдѣ и простоялъ до 13.

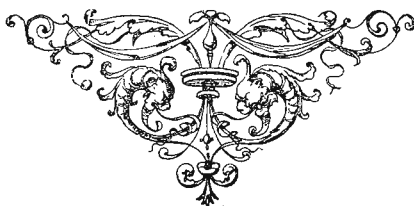
Къ этому времени прибылъ въ Чикишляръ новый начальникъ экспедиціи, генералъ Тергукасовъ, и къ 15-му числу переѣхалъ въ Чатъ. 19-го былъ смотръ частямъ отряда, находившимся въ Чатѣ, и въ тотъ же день генералъ Тергукасовъ поѣхалъ въ Теръ-Саханъ. Но уже 20-го числа было отдано приказаніе войскамъ продолжать отступление къ морю и далѣе на Кавказъ. Въ отрядѣ появилась диссентерія, цынга и лихорадки, уносившія людей хуже текинскихъ набѣговъ.

Къ ноябрю, перевозка войска на Кавказъ, была окончена, за исключеніемъ небольшихъ отрядовъ, оставшихся въ Чатъ и Чикишляръ.

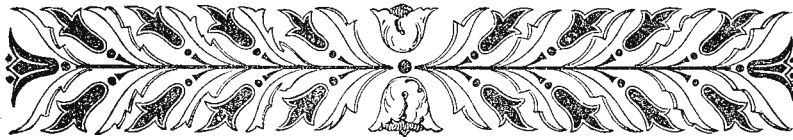
На этотъ разъ роковымъ предначертаніямъ исторіи не суждено было осуществиться. Экспедиція кончилась, принесла неоспоримое убѣжденіе, что халать—вовсѣ не очевидное доказательство трусости и слабости тѣхъ, кто его носить. Текинцы, несмотря на халать, приобрѣли наше безспорное уваженіе, за которое войска на первыхъ же порахъ заплатили нѣсколькими сотнями напрасно загубленныхъ жизней, а государство 10 милліоновъ бесплодно истраченныхъ рублей. Наконецъ, та же экспедиція убѣдила и въ томъ, что девизъ Цезаря—*veni, vidi, vici*—не годится для обыкновеннаго генерала, особенно, способнаго слишкомъ буквально ему повѣрить.

В. П.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАВОЕВАНІЕ АХАЛЬ-ТЕКИНСКАГО ОАЗИСА ?.

V.

Текинцы и текинки.

Въ военномъ отношеніи экспедиція 1879 года въ Ахаль-Теке имѣетъ значеніе форсированной рекогносцировки. Край загадочный сталъ краемъ извѣстнымъ, пути неизвѣданные—пройденными путями. Мы познакомились съ народомъ, съ которымъ приходилось имѣть дѣло, и въ 1880 году имѣли всѣ данныя, чтобы вести задуманное предпріятіе безъ всякаго риска, съ твердою увѣренностью въ успѣхѣ.

Подъ халатомъ текинца мы нашли энергическаго, предпріимчиваго, безмѣрно храбраго воина, но съ плохимъ огнестрѣльнымъ вооруженіемъ. Подруга его—тегинка—оказалась вполне достойной его супругой.

Вотъ свѣдѣнія, которыя мы находимъ о томъ и другой въ брошюрѣ г. Барановскаго и въ статьѣ г. Поповича-Липоваца „Ахаль-текинскія женщины“, помѣщенной въ фельетонѣ газеты „Новое Время“, № 1493. Текинское племя, подобно всѣмъ туркестанскимъ племенамъ, подраздѣляются на роды (тайфе) и кланы (тире). Кромѣ того, они дѣлятся еще на тохтамышцевъ и утемышцевъ; къ первому принадлежить $\frac{2}{3}$ населенія, отличающагося болѣе мирными наклонностями, ко второму—остальная воинственная часть племени. Образъ жизни текинцевъ полукочевой. Религію исповѣдаютъ магометанскую, суннитскаго толка, но вообще не отличаются фанатическою религіозностью, и потому ихъ муллы или ишаны особеннымъ значеніемъ или властью не пользуются.

⁴⁾ Окончаніе. См. „Историческій Вѣстникъ“, стр. 577—595.

Не особенно большою властью пользуются и ханы, которые скорѣе совѣтники, нежели властители личнаго населенія ауловъ. Но въ минуту опасностей у нихъ всегда находится предводитель, которому остальные текинцы слѣпо подчиняются. Во время первой экспедиціи, такимъ диктаторомъ оазиса оказался Нуръ - Верды ханъ, лично однако неуспѣвшій принять участіе въ битвѣ съ русскими. Объ этомъ Нуръ-Верды ханъ Ахалскомъ Бульгеръ пишетъ слѣдующее:

Нуръ-Верды-ханъ—55 лѣтъ отъ роду, росту высокаго (5 фут. и 10 дюйм.), имѣеть правильныя черты и крайне внушительное обращеніе. Смѣлъ, но остороженъ. Въ 1855 году онъ одержалъ блистательную побѣду надъ ханомъ хивинскимъ Медешинимъ, который ходилъ на Мервъ съ огромной арміей. Зато дѣйствія его противъ персовъ были мало удачны, и это повело къ паденію, послѣ 1859 года, его значенія въ оазисѣ настолько, что ему приходилось бѣжать изъ Ахаль-Теке и скрываться въ Мервѣ. Однако, приближеніе русскихъ заставило вспомнить о немъ и возвратило ему утраченное значеніе. 28-го августа Нуръ-Верды находился въ походѣ, и защитой Геокъ-Тепе руководилъ его сынъ, убитый при атакѣ на русскую артиллерию.

Текинцы не платятъ никакихъ податей и не несутъ какихъ-либо повинностей. Обычное право у нихъ господствуетъ въ полной силѣ и ханскія распоряженія исполняются лишь до тѣхъ поръ, пока не противорѣчатъ вкоренившимся обычаямъ. Но зато сила обычая такъ велика, что на каждаго нарушителя его смотрятъ какъ на величайшаго преступника.

Если вѣрить г. Т. М. Барановскому, то текинцы, будучи большими хищниками по отношенію къ не текинцамъ—между собою отличаются большою честностью, и считаютъ воровство самымъ позорнымъ преступленіемъ для человѣка. Въ этомъ отношеніи, кажется, намъ, дѣтямъ „гуманной“ цивилизаціи, не мѣшало бы хоть у текинцевъ поучиться честности. Если тѣ нѣсколько равнодушны къ убійству, то мы черезчуръ снисходительны къ воровству, и ужъ разумѣется наши „коммерческіе благодѣтели“ должны краснѣть передъ тѣмъ туркменомъ-гокланомъ, который, продавъ полковнику Навроцкому верблюдовъ и получивъ лишнихъ 940 рублей, нарочно пріѣхалъ изъ степей и возвратилъ эти не принадлежащія ему деньги ¹⁾.

По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя попадаютъ въ немногихъ имѣющихъ у насъ матеріалахъ, честность текинцевъ не ограничивается деньгами, что можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа г. Тугана-Мирзы-Барановскаго.

¹⁾ Въ минувшую войну за освобожденіе Болгаріи, ту же честность нашло кавказское интенданство у дикаго шшинскаго купца Хагатуръ-Ага-Тохбазова, возвратившаго 52,000 руб., полученныхъ въ задатокъ, по контракту, который не былъ окончательно заключенъ казною.

Послѣ отступленія русскихъ войскъ къ Беурмѣ, по предложенію полковника Малама, былъ посланъ въ Геокъ-Тепе плѣнный текинецъ, изъ четырехъ схваченныхъ передъ этимъ въ какой-то аріергардной стычкѣ. Плѣнный этотъ повезъ съ собою прокламацію съ предложеніемъ покориться (отступавшей) русской силѣ. Этому текинцу было сказано, что если онъ черезъ недѣлю не вернется съ отвѣтомъ, три его товарища будутъ разстрѣляны. Черезъ четыре дня этотъ текинецъ вернулся въ русскій лагерь съ гордымъ отвѣтомъ предводителя племени:

— Передай генералу, что Теке покорится только силѣ!

По словамъ г. Поповича-Липоваца, текинка, мало отличаясь отъ текинца по внѣшней одеждѣ (халатъ ея болѣе яркихъ цвѣтовъ, расцвѣченъ вышивкой, и она носитъ вмѣсто оружія серебряныя украшенія на поясѣ и въ ушахъ)—мало отстаетъ и энергіей. При штурмѣ Геокъ-Тепе, въ вылазкахъ несомнѣнно участвовали и женщины. Во время обхода крѣпости съ восточной стороны, по нашей кавалеріи вдругъ изъ одной канавы было сдѣлано три выстрѣла; солдаты бросились къ канавѣ, но вмѣсто текинца схватили молодую дѣвушку, стрѣлявшую изъ трехъ лежавшихъ передъ нею пистолетовъ.

— Не бойся, тебѣ ничего дурнаго не сдѣлаютъ, обьявилъ командиръ черезъ переводчика своей плѣнницѣ, (къ несчастію для красоты слога—не особенно очаровательной).

Но дѣвушка отвѣчала:

— Я, сердаръ, ничего не боюсь, можете дѣлать со мной, что хотите. Но вы всѣ, гяуры, бойтесь и страшитесь насъ, такъ какъ никто изъ васъ не уйдетъ изъ нашей страны.

Замѣтимъ, что текинцы не закрываютъ подобно другимъ магометанкамъ лица, хотя и напрасно, такъ какъ оно, по мнѣнію большинства, некрасиво. Разумѣется, какъ и вездѣ у поклонниковъ пророка, и у текинцевъ существуетъ многоженство, но имъ могутъ наслаждаться только богатые, такъ какъ за дѣвушку женихомъ ея вносятся родителямъ богатый выкупъ. Средній калымъ за невесту составляетъ 10 барановъ, 2 верблюда и 300 крановъ (кранъ—30 к.) серебра. Каждая жена текинца живетъ въ отдѣльной кибиткѣ, которую обязательно приносить съ собой въ приданое. Въ случаяхъ развода, допускаемаго по безплодію, вслѣдствіе хронической болѣзни, или по причинѣ дурнаго запаха изо рта, все приданое невесты возвращается, также какъ возвращается и калымъ жениху.

Обычай запрещаетъ текинцу жениться на рабынѣ, и это служить однимъ изъ главныхъ мотивовъ текинской поэзіи. Красота нѣжныхъ персіянокъ сильно прельщаетъ ихъ, но законъ не позволяетъ текинцу обогащать свое племя помѣсью, и потому въ случаяхъ, когда влюбленный господинъ воспользуется своимъ правомъ побѣдителя и плѣнница затяжелѣетъ и родить, то ребенка или убиваютъ, или продаютъ въ рабство. Въ общемъ, семейная обстановка въ Ахалъ-Теке довольно

нравственна, хотя (или потому что?) мужья нерѣдко поколачиваютъ своихъ женъ.

Приводимые г. Поповичемъ-Липовацемъ текинскія пѣсни несомнѣнно свидѣтельствуютъ о большой теплотѣ сердца текинца. Нѣкоторыя строфы, въ вольномъ переводѣ, производятъ очаровательное впечатлѣніе. Промышленность въ Ахаль-Теке не особенно блестящая, но выше, чѣмъ у другихъ туркменскихъ племенъ. Ковры текинскіе цѣнятся очень высоко, часто считаются даже лучше персидскихъ. Ихъ ткуть женщины съ быстротою и ловкостью замѣчательной. Такъ, есть мастерицы, способныя сдѣлать въ годъ отъ 2 до 3 ковровъ, шириною 5, а длиною до 10 аршинъ. Текинцы кромѣ того прекрасные оружейники. Шашки ихъ заслуживаютъ самаго полнаго одобренія, а ружья настолько хороши, что первое время текинцы не дурно отстрѣливались отъ нашихъ берданокъ. Искусство и смѣленость племени выказались весьма ярко въ томъ успѣхѣ, съ какимъ они научились употреблять берданки, попавшія къ нимъ послѣ отбитія штурма, и освоились съ патронами, доставшимся имъ въ Бендесенѣ, гдѣ мы принуждены были, вслѣдствіе единовременной кончины 400 верблюдовъ, зарыть 17 ящиковъ съ патронами. По указанію верблюдовожатыхъ, патроны были открыты текинцами и въ свое время употреблены въ дѣло.

Что касается военнаго таланта, то онъ ярко выяснился во время осады Геокъ-Тепе генераломъ Скобелевымъ. Про защитниковъ этой крѣпости можно сказать, что они сдѣлали все для себя возможное при тѣхъ средствахъ защиты, которыми обладали.

Эту особенность текинцевъ раньше всѣхъ оцѣнили русскіе солдаты.

— Супротивъ текинца надо назначить важнаго генерала! говорили они еще при первой неудачѣ, постигшей ихъ подъ стѣнами текинской крѣпости.

Такая оцѣнка была признана правильной и выше. И вотъ, когда генералъ Тергукасовъ, затягивая срокъ завоеванія Ахала, видимо добивался отозванія, то на мѣсто его былъ назначенъ временно Муравьевъ, а затѣмъ уже руководить экспедиціей, дѣйствительно, пріѣхалъ „настоящій“ генералъ—Скобелевъ.

VI.

Генералъ Скобелевъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1880 года, генералъ-адъютантъ Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ высадился въ Красноводскѣ и, вѣрный старой привычкѣ знать все и все видѣть самому—тотчасъ же принялся за рекогносцировки и развѣдки по всѣмъ направленіямъ, казавшимся удобными для успѣшнаго завоеванія оазиса.

Минувшая кампанія 1877—78 года выдвинула на арену исторіи имена многихъ храбрыхъ и талантливыхъ генераловъ, которыми русская армія имѣетъ полное право гордиться. Въ числѣ такихъ имя Скобелева 2-го было уже достаточно популярно и раньше, по его участию въ хивинскомъ походѣ. Но исключительную, рѣдкую талантливость и военное счастье этого генерала выдвинула и подчеркнула война болгарская. Атака 30-го августа на Гривицкій редутъ, дѣятельность въ памятные дни 2—3-го ноября на Зеленыхъ горахъ и особенно безпримѣрный зимній переходъ черезъ Балканы, закончившійся блестящимъ Шейновскимъ дѣломъ,—все это такіе патенты на званіе настоящаго военачальника, которые нельзя оспаривать хотя бы съ отдаленной надеждой на успѣхъ.

Повидимому—это человѣкъ, скроенный какъ разъ по мѣркѣ полководца такъ, какъ опредѣляютъ ее Морицъ Саксонскій и Наполеонъ. Хладнокровно-безстрашный, вполне владѣющій собой, никогда не теряющійся, не знающій дѣленія своихъ обязанностей на важныя и неважныя, на мелкія и крупныя; имѣющій даръ читать въ сердцахъ солдатъ и потому всегда знающій навѣрное, что можно и чего нельзя отъ нихъ требовать; энергичный, дѣятельный, строгій, но простой съ подчиненными, и при этомъ требовательный по отношенію къ сущности, снисходительный къ формѣ, онъ съ первыхъ же шаговъ на своемъ военномъ поприщѣ сдѣлался идоломъ русскаго солдата.

О генералѣ Скобелевѣ, впрочемъ, за время болгарскаго похода составилось мнѣніе, какъ о въ высшей степени горячемъ человѣкѣ, ищущемъ опасности, бросающемся въ самую свалку и не обращающемъ никакого вниманія на убыль людей въ своемъ отрядѣ. Солдаты его отчаянную храбрость и невозмутимое хладнокровіе подъ пулями приписывали заговору. По солдатской легендѣ, сообщаетъ г. В. Немировичъ-Данченко, хивинецъ девять дней и девять ночей возилъ Скобелева по Хивѣ невѣрной и заговаривалъ. Потомъ девять дней и девять ночей Скобелеву ѣсть и пить не давали и все заговаривали, пока совѣтъ не заговорили, такъ что пуля проходитъ насквозь, не причиняя Скобелеву ни малѣйшаго вреда.

Поэтому, когда послѣ чрезмѣрно-медленнаго и колебавшагося Тергукасова, назначили Скобелева, всѣ ждали быстрого наступленія, молодецкаго налета на оазисъ, и втайнѣ боялись (а можетъ, иные и радовались), что отважный генералъ сломаетъ себѣ шею подъ стѣнами укрѣпленія „голубой горы“ (Геокъ-Тепе значитъ голубая гора).

Событія показали, что боязнь и радость были одинаково напрасны. Въ походѣ на оазисъ, можетъ быть даже болѣе, чѣмъ въ распоряженіяхъ передъ Шейновскимъ боемъ, выказался безспорный военный талантъ этого генерала. Походъ требовалъ исключительныхъ мѣръ—и онѣ были приняты, требовалъ непремѣннаго успѣха, при неблагопріятныхъ условіяхъ и съ малыми средствами надъ непріателемъ, еще опьяненнымъ своею побѣдой надъ нами и, благодаря послѣдней, успѣв-

шимъ вооружиться нашими же берданками и нашими же патронами, — и всѣ эти требованія блестящимъ образомъ выполнены молодымъ русскимъ генераломъ, и потому его дѣятельность въ Ахаль-Теке имѣетъ большую военно-историческую поучительность.

Тотчасъ по прибытіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Красноводскъ, онъ съѣздилъ осмотрѣть фортъ Александровскъ и кочевки одаевскихъ киргизовъ; потомъ, сдѣлавъ рекогносцировку Михайловскаго залива и направленія будущей желѣзной дороги до Молла-Кары, онъ отправился въ Чикишляръ, гдѣ занялся многими соображеніями по предстоящей экспедиціи и главнымъ образомъ — вопросомъ объ организаціи верблюжьихъ транспортовъ.

Съ послѣдней цѣлью онъ припугнулъ старшинъ кочевыхъ аттабаевцевъ, выписалъ изъ Ташкента отважнаго подрядчика Громова, а также поручилъ доставить верблюдовъ не выше 110 руб. за голову подрядчику Мягкову. Въ результатѣ этихъ распоряженій оказалась возможность собирать верблюдовъ съ обширной территоріи (чуть ли не до Семипалатинска), такъ что къ концу августа изъ Оренбурга Эмбинскими и Устьуртовскими степями пришло, подѣ начальствомъ полковника Мореншильда, 6600 изъ подрядныхъ верблюдовъ Мягкова.

Вопросъ о водѣ и продовольствіи отряда также былъ рѣшенъ совершенно самостоятельно. Въ Красноводскѣ уже ранѣе дѣйствовалъ плавучій опрѣснитель на баржѣ общества „Кавказъ и Меркурій“, дававшій ежедневно 15,000 ведеръ прѣсной воды. Этого количества показалось недостаточно, и потому Бакинскому заводу Нобеля былъ заказанъ другой аппаратъ, который, къ ноябрю 1880 года давалъ до 25000 ведеръ въ сутки прѣсной воды. Воду эту развозили по желѣзной дорогѣ въ особыхъ цистернахъ и простыхъ боченкахъ. Паръ, отработавшій въ котлахъ опрѣснителя, утилизировался въ поставленныхъ вблизи кибиткахъ, гдѣ каждый день парились свободные отъ работъ и занятій солдаты и рабочіе. До выступленія въ походъ, кавалерію и часть пѣхоты Скобелевъ держалъ на западномъ берегу Каспійскаго моря въ состояніи постоянной готовности переѣхать на восточный берегъ; это давало возможность сосредоточить массу фуража и провіанта на предстоящую экспедицію. Замѣчательно также образованіе такъ называемой передвижной артиллеріи. У Скобелева было 74 орудія, большею частію старыхъ, растрѣлянныхъ, для передвиженія которыхъ въ оазисъ нерасчетливо было имѣть полное число лошадей. Въ виду этого, была организована постепенная перевозка этой артиллеріи изъ Красноводска въ Бами лошадьми 19-й и 21-й артиллерійскихъ бригадъ.

Для почтовой службы, а также для пастьбы и управленія верблюжьими транспортами, организовано было три сотни киргизовъ аттабаевцевъ, уже въ хивинскую экспедицію оказавшихъ намъ неоцѣненные услуги по всякаго рода степнымъ пересылкамъ. О добросовѣстности

этихъ степныхъ почталыоновъ свидѣтельствуеъ трогательный случай, рассказанный корреспондентомъ „Новаго Времени“.

Въ 1873 году, въ хивинскую экспедицію, джигитъ во время сильныхъ жаровъ отправился съ почтовой сумкой изъ Киндерли въ Хиву. Гдѣ-то на пути, въ песчаныхъ барханахъ, онъ заблудился и погибъ. Двое сыновей отправились его разыскивать, но нашли только убитую лошадь, у которой онъ, вѣроятно, страдая жаждой, пилъ кровь, и палку воткнутую въ песокъ, въ которомъ была зарыта сумка.

Корреспондентъ „Голоса“ г. Б. о тѣхъ же киргизахъ говорить слѣдующее:

„Нельзя не сказать, что киргизы служили съ большимъ рвеніемъ въ послѣднюю ахалтекинскую экспедицію, хотя служба ихъ при верблюдахъ была крайне тяжелая. Въ торговыхъ караванахъ принято за правило послѣ каждаго рейса давать три или четыре недѣли для отдыха верблюдамъ. Этимъ временемъ пользуются и верблюдовожатые. Во время же экспедицій, войсковыя требованія заставляли верблюжьи транспорты передвигаться почти непрерывно. Такимъ образомъ, отступленіе отъ привычекъ, усвоенныхъ животными, а также отъ выработанныхъ временемъ правилъ для движенія торговыхъ каравановъ и, наконецъ, строгія требованія военныхъ властей хорошаго ухода за верблюдами—все это вмѣстѣ удесятерило обычный трудъ киргиза. Не смотря, однако, на такой усиленный трудъ, киргизы служили съ величайшимъ самопожертвованіемъ, нерѣдко отдавая жизнь свою при выполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей“.

Далѣе, тотъ же корреспондентъ прибавляетъ:

„Замѣчательны лошади у этихъ киргизовъ. Это маленькія и крайне некрасивыя лошади, но онѣ замѣчательны по своей выносливости: сто или полтора версты онѣ дѣлали въ одинъ переходъ и довольствовались, большею частью, однимъ подножнымъ кормомъ, причемъ онѣ привыкли проходить по самымъ крутымъ горнымъ тропинкамъ и переплывать самые быстрые потоки и рѣки. Сами киргизы отличаются изумительнымъ зрѣніемъ и слухомъ, а также навыкомъ ориентироваться во всякой мѣстности; такъ что въ случаѣ европейской войны, киргизскіе наѣзники могутъ оказывать неоцѣнимыя услуги арміи“.

Отдавая массу времени и силъ на всю эту подготовительную работу для организаціи экспедиціи, М. Д. Скобелевъ постоянно подѣльнымъ руководствомъ производилъ самыя дальнія и смѣлыя рекогносцировки. Между тѣмъ, онъ болѣе всякаго могъ бы поручать эти развѣдки своимъ приближеннымъ, такъ какъ для него характеръ мѣстности и особенности края были не новы. Въ чинѣ штабсъ-капитана, находясь въ отрядѣ генерала Столѣтова, онъ успѣлъ уже въ 1869 году познакомиться съ этимъ печальнымъ краемъ, а въ бытность свою комендантомъ укрѣпленнаго пункта Молла-Кора даже порядочно изучить его.

Повидимому, „настоящій“ генераль былъ другого мнѣнія и ранѣе прибытія войскъ успѣлъ побывать въ кочевьяхъ аттабаевцевъ, выбрать мѣсто для направленія желѣзной дороги и, наконецъ, проѣхавъ по всей атрекской линіи, отъ Чикишлара до Баи, онъ, въ сопровожденіи сотни казаковъ и одного горнаго орудія, 6-го іюня подѣхалъ

даже къ самому Геокъ-Тепе, чтобы убѣдиться въ значительныхъ усиленіяхъ этого пункта, сдѣланныхъ текинцами послѣ экспедиціи 1879 года. Во всѣхъ этихъ степныхъ переѣздахъ онъ поражалъ своею энергіею и силой. Проѣдетъ сотню верстъ, остановится и тотчасъ же занимается еще письменными дѣлами, тогда какъ окружающіе его чувствуютъ себя совершенно разбитыми.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда уже былъ начать настоящій походъ, онъ взялся самъ руководить рекогносцировкой по рѣкѣ Чандырю, которую поручено было произвести четыремъ сотнямъ Полтавскаго казачьяго полка и двумъ эскадронамъ драгунъ подъ начальствомъ полковника Навроцкаго. Войска эти должны были открыть горный проходъ прямо на Геокъ-Тепе и поразить текинцевъ внезапнымъ появленіемъ русскихъ съ той стороны, откуда ихъ не ждали.

Во время этой рекогносцировки, послѣ отдыха на одномъ изъ приваловъ, генераль Скобелевъ приказалъ своей кавалеріи двинуться впередъ, а самъ остался съ семью человѣками, чтобы написать нѣсколько приказаній. Переписка и отправленіе приказаній заняли нѣсколько болѣе времени, чѣмъ предполагалось. Когда же командующій войсками отправился догонять отрядъ, то сбился съ дороги и, такимъ образомъ, остался въ горахъ только съ семью всадниками и безъ проводника. Въ этомъ положеніи застала его ночь и онъ оставился на ночлегъ. Только къ утру посланные имъ для развѣдокъ всадники привели изъ Нухара команду охотниковъ, которая была составлена изъ войскъ передоваго отряда и послана изъ Баи въ Нухаръ тоже для рекогносцировки. Вмѣстѣ съ этою командою генераль Скобелевъ присоединился къ войскамъ.

За такое упущеніе полковника Навроцкаго генераль Скобелевъ наказалъ его по своему — онъ при штурмѣ Геокъ-Тепе былъ назначенъ командиромъ резервовъ. Такое же наказаніе постигло и командира сводной кавалерійской бригады, дѣйствіями котораго 23-го декабря, въ дѣлѣ Петрусевича, „настоящій“ генераль былъ очень не доволенъ. Полковнику Арцишевскому, въ день 12-го января, была назначена скромная роль командира надъ нестроевыми командами и деньщиками.

Изъ многихъ описаній корреспондентовъ, дѣйствительныхъ или выдуманныхъ анекдотовъ, ходящихъ о М. Д. Скобелевѣ, иной ригористъ выведетъ заключеніе, что онъ слишкомъ эффектенъ, слишкомъ ярокъ для степенной роли главнокомандующаго. Исторія войнъ, однако, свидѣтельствуетъ, что всѣ молодые генералы и всѣ дѣйствительные генералы, т. е. сами водившіе войска въ бой, никогда не пренебрегали эффектомъ, зная, какъ возбуждительно дѣйствуетъ этотъ эффектъ на предводимые ими войска. Слѣдовательно, нѣкоторую афектацію, извѣстную степень бравады, слѣдуетъ простить всякому генералу, а тѣмъ болѣе М. Д. Скобелеву, на долю котораго вышло добиться съ малыми силами большаго и притомъ непремѣннаго

успѣха. Но было бы крайне ошибочно полагать, что въ лицѣ этого генерала мы видимъ безучастнаго къ людскому горю и страданію человѣка. Внутри себя онъ, можетъ быть, страдаетъ болѣе прочихъ, но онъ знаетъ, какъ опасно показаться войскамъ, зашедшимъ въ глубокіе стѣны и стоящимъ ничтожной кучкой подъ стѣнами крѣпости, гдѣ засѣлъ смѣлый, воинственный и опьяненный старымъ успѣхомъ народъ, обороняющій свою независимость,—съ лицомъ истомленнымъ, съ душой горькой, заботой на челѣ. Вотъ почему постоянное придвиганіе лагеря къ стѣнамъ осажденной крѣпости, по мѣрѣ неудачныхъ для насъ вылазокъ текинцевъ, должно считаться рѣшительно геніальнымъ распоряженіемъ. Оно и не жестоко, разъ самъ Скобелевъ ставилъ свою ставку, отмѣченную и размѣрами и значкомъ, въ сферѣ досягаемости крѣпостныхъ выстрѣловъ. Кто самъ рискуетъ, тотъ имѣетъ нравственное право заставить рисковать и другихъ. Такъ думали, вѣроятно, въ отрядѣ всѣ, и потому превосходная обрисовка настоящаго генерала, данная корреспондентомъ „Новаго Времени“, такъ жива и понятна даже и не военнымъ:

„Не смотря на душевные потрясенія, которыя, конечно, Скобелевъ долженъ былъ пережить въ тягостныя минуты ночныхъ нападеній, онъ не палъ духомъ и выходилъ къ войскамъ такимъ же удалымъ молодцомъ, какимъ его знала 16-я дивизія подъ Плевной и Шейновымъ: изящный, величественно-стройный, одѣтый съ иголочки, раздушенный, съ ласковой, веселой улыбкой на блѣдномъ, утомленномъ лицѣ.

„...Солдаты понимаютъ, что это идетъ ихъ истинный вождь. Бодрость и силы просыпаются въ траншеяхъ... Всякій чувствуетъ на себѣ проникательный взглядъ генерала.

„— Скобелевъ идетъ! говорятъ солдаты.

„— Здорово молодцы ширванцы!.. раздается звучный, вызывающій голосъ, и точно электрическій токъ пробѣгаетъ по измученнымъ и запыленнымъ рядамъ офицеровъ и солдатъ; и громкое и лихое „здравія желаемъ“ несется на встрѣчу настоящему генералу; онъ идетъ по рядамъ высокой, молодой, въ бѣломъ романовскомъ полушубкѣ, съ генеральскими погонами и бѣлымъ крестомъ на шеѣ, не сгибая головы подъ выстрѣлами... и по его приказанію русскіе безотвѣтные воины опять готовы не спать, не отдыхать, копать безъ усталы и умирать безропотно...“

Съ вождями, которые имѣютъ такое нравственное вліяніе на порученные имъ войска, пораженіе немислимо. Покуда Скобелевъ былъ живъ, участь Ахаль-Теке не подлежала сомнѣнію. Разумѣется, его могли и убить, но... по странной игрѣ военной судьбы, есть генералы, дѣйствительно, какъ бы неуязвимые, какъ бы заколдованные. Имъ покровительствуетъ случай, ихъ щадятъ пули, разумѣется, до случая. Такими генералами были Ней, Милорадовичъ, отчасти Наполеонъ—и такимъ же бловнемъ военнаго счастья оказывается и неуязвимый генералъ Скобелевъ.

VII.

Походъ въ Ахаль-Теке *).

Предпринимая походъ на халатниковъ, искали только пути, гдѣ бы проходящія войска были обезпечены прѣсною водою способами дешевыми и естественными, и потому выбрали для наступленія линію Атрека съ опорною базою въ Чикишляръ, не смотря на то, что Чикишляръ не имѣлъ удобнаго рейда.

Скобелевъ, наступая на ахалтекинцевъ, рѣшилъ воспользоваться всѣми путями, ведущими въ оазисъ, приспособивъ каждый изъ нихъ для какихъ либо специальныхъ цѣлей, и потому протянулъ свою базу по всему каспійскому побережью: отъ Красноводска черезъ Михайловское до Чикишляра. Главнымъ операціоннымъ пунктомъ служилъ Красноводскъ, гдѣ были устроены склады интендантскаго и артиллерійскаго вѣдомствъ, что обусловливалось удобствомъ выгрузки и нагрузки судовъ, стоящихъ въ Красноводскомъ заливѣ, закрытомъ отъ всякихъ вѣтровъ и притомъ достаточно глубокомъ. Укрѣпленіе Михайловское, находящееся въ 60 верстахъ южнѣ Красноводска и имѣющее съ послѣднимъ удобное морское сообщеніе, назначено было служить начальнымъ пунктомъ предполагавшейся желѣзной дороги. Изъ Михайловскаго, окруженнаго безводными, сыпучими песками, при помощи этой дороги предполагалось перевозить артиллерійскія тяжести до Кизиль-Арвата, откуда путь наступленія шелъ по плодородной почвѣ, имѣющей хорошую ключевую, горную воду. Кавалерія же и часть пѣхоты, а также фуражный и провіантскій запасы, должны были слѣдовать изъ Чикишляра по наѣзженному и извѣданному уже пути вдоль рѣкъ Атрека и Сумбара.

Оба пути сходились у аула Бами, который, послѣ іюньской рекогносцировки самого Скобелева подъ крѣпостью Геокъ-Тепе, былъ избранъ, какъ главный опорный пунктъ всей экспедиціи. Аулъ этотъ былъ укрѣпленъ, снабженъ достаточнымъ гарнизономъ и вскорѣ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ всего необходимаго для успѣха экспедиціи.

Къ концу ноября въ Бами собралось достаточно провіанта, и Скобелевъ двинулъ свои войска въ Егянбатырь-кала (названное Самурскимъ укрѣпленіемъ). Желѣзная дорога отъ Михайловскаго до Молла-Кары продолжала подвигаться далѣе до Балаишена, Кутола и Айдина, имѣя впереди переносную дорогу Дековилъ. Эта послѣдняя неполнила удовлетворила возлагавшіяся на нее надежды, такъ какъ тонкія и слабыя ея рельсы выгибались подъ тяжестью

*) Описаніе военныхъ дѣйствій похода 1880—81 года обязательно просмотрѣно и исправлено однимъ изъ видныхъ его участниковъ, инженеръ-капитаномъ А. Н. Масловымъ.

перевозимыхъ на нихъ грузовъ. Но, правду говоря, изобрѣтателю ея и въ голову не приходило, что изъ его скромной идеи сдѣлаютъ такое грандіозное примѣненіе, то есть, чисто вспомогательное средство при работахъ дороги—обратять въ самую дорогу. Тѣмъ не менѣе, она, очевидно, принесла свою долю пользы, такъ какъ и до сихъ поръ движеніе закаспійской дороги впередъ происходитъ съ помощью дековилевскихъ рамъ и вагонетокъ. Къ концу экспедиціи желѣзная дорога дошла до Айдина, удаленнаго отъ Михайловскаго на 70 верстъ. Дорога Дековилиа протянулась еще на 20 верстъ далѣе и остановилась въ Ахча-Куймѣ. Какъ первый опытъ дороги въ сыпучихъ и переносныхъ пескахъ, закаспійскій желѣзный путь вполнѣ показалъ возможность проведенія такихъ дорогъ въ пустыняхъ. Успѣху этому способствовали талантъ инженера Усова, придумавшаго остроумныя приспособленія для защиты дороги отъ заносовъ, и главнымъ образомъ работы и указанія князя Хилкова, получившаго солидное техническое образованіе на практическихъ работахъ въ Америкѣ. По показанію корреспондентовъ, князь Хилковъ къ славянскому добродушію присоединилъ въ Америкѣ предпримчивость и твердость янки. Все движеніе по закаспійской дорогѣ организовано трудами и заботою этого талантливаго человѣка.

Изъ средствъ, предлагаемыхъ паровой механикой къ передвиженію, экспедиція, кромѣ желѣзной дороги, имѣла еще паровую флотилію подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Макарова (въ минувшую войну командиръ парохода „Константинъ“). О характерѣ и составѣ каспійской казенной флотиліи всего лучше говорить казусъ, случившійся съ пароходомъ „Баку“. Генераль Петрусевицъ съ поручикомъ Кауфманомъ были командированы въ Киндерли для осмотра проходившихъ тамъ верблюжьихъ транспортовъ, слѣдовавшихъ изъ Оренбурга. Въ Киндерлійскій заливъ они отправились на пароходѣ „Баку“, который былъ только что спущенъ на воду. Довезя генерала Петрусевича до залива, пароходъ испортился и остался стоять тамъ на якорѣ, а пассажиры его принуждены были скакать 400 верстъ вдоль берега, на казацкихъ лошадяхъ. Понятно само собой, что если такъ отличился новый пароходъ, то о старыхъ и говорить нечего; они рѣшительно отказались служить экспедиціи, почему ни войска, ни интендантство, не находило возможнымъ пользоваться ихъ услугами, а между частными лицами попасть на казенный пароходъ считалось величайшимъ несчастіемъ. Одинъ только пароходъ „Шахъ“, съ которымъ успѣхомъ занимался перевозкою больныхъ и раненыхъ изъ Чикишляра въ Баку; а рѣчной пароходикъ „Чикишляръ“, благодаря превосходному командиру лейтенанту Ленишу, поддерживалъ сообщеніе между Красноводскомъ и Михайловскимъ. Вся остальная перевозка производилась помощью судовъ общества „Кавказъ и Меркурій“.

Переходя затѣмъ къ заботамъ о санитарной части отряда, слѣдуетъ замѣтить слѣдующее.

Для передвиженія больныхъ и раненыхъ были учреждены госпитали въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Баи на 200 человѣкъ, затѣмъ по Атрекской линіи: въ Ходжамкала и Дузудумъ на 100 въ каждомъ, въ Чикишляръ на 200 человѣкъ; по михайловской линіи: въ Казанчикъ, Балаишемъ, Молла-кара и въ Михайловскомъ заливѣ—по 50 мѣстъ въ каждомъ, и въ Красноводскѣ—на 200 человѣкъ. Всѣ эти госпитали и лазареты помѣщались въ госпитальныхъ палаткахъ и киргизскихъ кибиткахъ. Въ Красноводскѣ, Чикишлярѣ и Михайловскомъ, были устроены легкіе деревянные бараки, обшитые снаружи толемъ, а внутри картономъ (каждый баракъ на 30 больныхъ). Но, въ виду наступившаго зимняго времени, въ нихъ сдѣланы были приспособленія и для отопленія. Снабжены они были весьма широко довольствіемъ, всевозможными консервами и госпитальными потребностями.

При нѣкоторыхъ изъ госпиталей и лазаретовъ были склады „Краснаго Креста“. Главный же складъ этого человѣколюбиваго учрежденія находился въ Красноводскѣ.

Главныя передвижныя силы отряда составляли все таки верблюды, несмотря на то, что этотъ корабль пустыни оказался въ высшей степени неудобнымъ для перевозки военныхъ тяжестей. Во время похода въ Афганистанъ, англичане потеряли 60,000 верблюдовъ. Въ 1879 году, изъ 10,000 верблюдовъ пало 9,400, не менѣ падало ихъ въ экспедиціи 1880—81 года, такъ какъ, по свидѣтельству М. Н. Анненкова, ихъ изъ 18 тысячъ остался къ концу только тысяча. Оба пути—Атрекскій и Михайловскій, буквально были усыяны трупами этихъ неприхотливыхъ и несчастныхъ животныхъ, несмотря на то, что для наблюденія и ухода за ними были наняты киргизы. Но обстановка военныхъ перевозокъ, вслѣдствіе не одинаковости грузовъ, а также и вслѣдствіе несовпаденія времени, когда надо отдыхать верблюду и можно отдохнуть солдату, такого рода, что и киргизы не могли много помочь въ сохраненіи верблюжьей силы и животные падали сотнями, костями своими убѣливъ путь наступавшихъ завоевателей. Перевозкою тяжестей занимались, кромѣ вольнонаемныхъ верблюдовъ Громова, еще 12,000 верблюдовъ казенныхъ, доставленныхъ съ Мангишлякскаго полуострова, полковникомъ Навроцкимъ, и изъ оренбургскихъ степей—полковникомъ Ивановымъ.

Кромѣ верблюжьихъ транспортовъ, по Атрекской линіи былъ сформированъ конскій транспортъ, изъ нанятыхъ молканскихъ и купленныхъ казенныхъ четырехъ-конныхъ фургоновъ. Такой же транспортъ изъ 100 фургоновъ находился въ дѣйствиіи при переходѣ изъ Баи въ Самурское укрѣпленіе, при началѣ обложенія Геокъ-Тепе.

Весь подготовительный періодъ похода сопровождался стычками съ текинцами, неупускавшими случая тревожить безопасность нашего передвиженія къ оазису. Въ числѣ такихъ дѣлъ, въ августѣ, замѣчательно дѣло доктора Студитскаго, геройски въ теченіи нѣсколь-

кихъ часовъ отстрѣливавшагося съ 12-ю казаками отъ трехсотенной шайки текинцевъ. Студицкій палъ, оставивъ по себѣ память храбраго воина, хорошаго медика и превосходнаго человѣка. Съ генераломъ Скобелевымъ Студицкій былъ знакомъ еще со времени памятныхъ дѣлъ 2-го и 3-го ноября, въ траншеяхъ Зеленой горы, гдѣ этотъ мужественный докторъ, подъ градомъ пуль производилъ первые перевязки. Другая незначительная стычка въ окрестностяхъ Бами замѣчательна тѣмъ, что текинцы вырѣзали 11 нашихъ охотниковъ, павшихъ лошадей. Въ числѣ захваченныхъ въ этой стычкѣ текинцами лошадей, находилась и знаменитая бѣлая лошадь генерала Скобелева, называвшаяся „Шейнь“, бывшая съ нимъ подъ Плевной. На этой лошади потомъ во все время экспедиціи гордо красовался туркменскій вождь, ханъ Тикма-Сердаръ.

Болѣе серьезное дѣло происходило 24-го ноября, когда текинцы подъ начальствомъ Тикма-Сердаря, въ числѣ 1,500 человѣкъ, атаковали Громовскій транспортъ, возвращавшійся изъ Бами въ числѣ 2,000 верблюдовъ. Транспортъ этотъ прикрывала полурота Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ подпоручика Васильева. Туркмены, давъ отряду, вышедшему изъ Кизиль-Арвата въ Казанчикъ, подойти къ оврагамъ близъ рѣчки Узунсу, внезапно напали на него съ фланговъ, а такъ какъ въ это время киргизы, конвоировавшіе верблюжій транспортъ купца Громова, не только не захотѣли защищаться, но еще порѣзали веревки, связывавшія животныхъ между собою, вслѣдствіе чего тѣ попали въ цѣнь и стали мѣшать прикрытію защищаться, то успѣхъ оказался на сторонѣ текинцевъ и они успѣли угнать весь транспортъ. При этомъ изъ 74 человѣкъ, составлявшихъ прикрытіе, 40 были болѣе или менѣе тяжело ранены. Во время стычки, поручикъ Васильевъ послалъ двухъ киргизовъ въ укрѣпленіе Казанчикъ, съ просьбою о высылкѣ подкрѣпленій. По дорогѣ одинъ изъ киргизовъ былъ убитъ, но другой, хотя раненый, успѣлъ доскакать до укрѣпленія и поднять тревогу. По тревогѣ сотня казаковъ Лабинскаго полка, подъ начальствомъ сотника Аленникова, въ сопровожденіи 2-хъ ротъ Ставропольскаго полка, полетѣла на выручку и по свѣжему слѣду успѣла напасть на мѣсто, куда загнали верблюжій транспортъ. Тикма-Сердаръ самъ съ малою своею конницею не находился при этомъ транспортѣ, но стоялъ на дорогѣ къ Кизиль-Арвату, ожидая нападенія стоявшихъ тамъ 3-хъ сотенъ оренбургскихъ казаковъ. Вслѣдствіе этого, сотнику Аленникову молодецкимъ налетомъ еще до прибытія пѣхоты удалось окончить дѣло и возвратитъ въ Казанчикъ отбитый непріателемъ верблюжій транспортъ. За это дѣло сотникъ Аленниковъ получилъ георгіевскій крестъ.

Къ концу ноября, всѣ дѣйствующія войска отряда стянулись къ Бами, при чемъ одновременно и безъ боя была занята Егіанъ-Батыръкала, находившаяся въ 14 верстахъ отъ Геокъ-Тепе. Тутъ Скобелевъ, построивъ укрѣпленіе, названное Самурскимъ, приказалъ перевозить

изъ Бами, переименованнаго къ этому времени въ Таманское, провіантъ, фуражъ и снаряды. Въ первыхъ числахъ декабря 1880 года, все уже было готово для обложенія и осады опорной крѣпости текинцевъ. Ожидали только туркестанскій отрядъ Куропаткина, подходившій къ Бами со стороны степи.

Отрядъ этотъ долженъ былъ прибыть къ началу ноября, но объ немъ рѣшительно не было никакого извѣстія. Тогда генераль Скобелевъ поручилъ хорунжему Таманскаго казачьяго полка Стеценко ѣхать на поиски за Куропаткинымъ. Стеценко выѣхалъ 31 октября, переодѣтый киргизомъ и въ сопровожденіи нѣсколькихъ заводныхъ лошадей, на которыхъ былъ взятъ запасъ воды и провіанта. 31 октября хорунжій выѣхалъ изъ Дузь-Олума, по направленію къ колодцамъ Игды. Тутъ проводники объявили, что не знаютъ дороги, и потому всей партіи пришлось три дня плутать безъ воды и хлѣба по безконечно-песчаному морю Кара-Кумынской степи. Инстинктъ лошади Стеценко вывелъ его, наконецъ, къ колодцамъ Ортакую. Здѣсь киргизы развели огонь и стали ѣсть конину, лошади же всѣ пали. Какъ истый казакъ-кубанецъ, Стеценко, покуда его джигиты ѣли падаль, запивая соленой водой колодца, онъ, изнемогая отъ жажды и усталости, потерявъ всякую надежду выбраться изъ проклятой степи, валялся по землѣ и писалъ на камняхъ колодца всевозможныя ругательства. Должно быть это оригинальное занятіе навѣло его на счастливую мысль идти къ сѣверу, вдоль хребта Кумъ-Кира, гдѣ онъ близъ Чарышлы напалъ на отрядъ генерала Глуховскаго, прикрывавшаго ученую экспедицію къ Узбою. Въ этомъ отрядѣ Стеценко отдохнулъ, поправился и, получивъ свѣжихъ лошадей и проводниковъ, поѣхалъ черезъ хивинское ханство въ Петро-Александровскъ. Тамъ онъ узналъ, что Куропаткинъ выступилъ въ походъ, и потому слѣдомъ отправился догонять его, догналъ и вмѣстѣ съ нимъ 3 декабря прибылъ въ Бами. Колонна Куропаткина прошла тѣмъ ужаснымъ путемъ, который въ 1873 году остановилъ наступленіе полковника Маркозова. Численностью небольшой—изъ 3 ротъ, 2 сотенъ, взвода горной артиллеріи и 700 верблюдовъ, отрядъ совершилъ походъ этотъ необыкновенно счастливо. Не было ни больныхъ, ни отсталыхъ, такъ что туркестанцы удивили всѣхъ не только своимъ появленіемъ, но и тѣмъ, что вступили въ Бами въ такомъ порядкѣ и такой чистотѣ, какъ будто на парадъ. Конечно, на этотъ разъ благопріятствовала холодная зимняя погода и значительное число верблюдовъ, сравнительно съ численностью самого отряда, но что нибудь значили въ этомъ рискованномъ переходѣ черезъ пустыню также талантъ и несомнѣнныя боевыя способности полковника Куропаткина. Не даромъ онъ же былъ начальникомъ штаба у Скобелева въ самые важные моменты дѣятельности послѣдняго въ войнѣ на Балканскомъ полуостровѣ и справедливо дѣлилъ какъ труды, такъ славу и извѣстность послѣдняго.

Съ приходомъ колонны Куропаткина, съ переводомъ опорнаго пункта въ Самурское, походъ въ оазисъ слѣдуетъ считать оконченымъ, и потому мы перейдемъ къ разсмотрѣнію ближайшихъ дѣйствій экспедиціоннаго отряда вблизи и подъ стѣнами текинской крѣпости до памятнаго дня ея кроваваго штурма.

VIII.

Обложене и осада Геокъ-Тепе.

Къ 1 декабря войска стянулись къ Самурскому въ числѣ 5 тысячъ человѣкъ, состоявшихъ изъ слѣдующихъ частей:

Пѣхота:

Аншеронскаго полка	2 батал.
Ширванскаго полка	2 „
Самурскаго полка	1 „
Ставропольскаго полка	1 „
Дагестанскаго полка	2 роты.
Туркестанскаго отряда	3 „
Крымскаго полка	2 „
Закаспійскаго мѣстнаго батальона	2 „
Саперъ 2-го Кавказскаго батальона	1 „
Желѣзно-дорожнаго батальона	1 „

Кавалеріи:

Тверскихъ драгунъ	2 эскадр.
Полтавскихъ казаковъ	2 сотни.
Таманцевъ	2 „
Лабинскихъ	2 „
Оренбургскихъ	1 „
Сборныхъ оренбургско-уральскихъ	1 „

Артиллеріи:

Новыхъ дальнобойныхъ	8 оруд.
4 и 9 фунтовыхъ старыхъ	40 „
Горная батарея	6 „
Картечницъ	2 „
Полупудовыхъ мортиръ	16 „

Въ общемъ счетѣ, такъ какъ большая часть войскъ находилась въ мирномъ составѣ ¹⁾, отрядъ располагалъ 4,000 штыковыхъ, 1,000 конями

¹⁾ Кромѣ Самурскаго батальона и 3 ротъ туркестанцевъ, находившихся въ полномъ боевомъ составѣ.

и 74 орудіями. Укрѣпленіе Енгіанъ-Батыръ-кала текинцы уступили безъ боя; оно и было занято Скобелевымъ 1 декабря 1880 года; а 4 декабря, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго, была произведена форсированная рекогносцировка Геокъ-Тепе съ запада, во время которой войска наши потеряли убитыми одного и ранеными 22 человѣка.

Какъ сказано выше, самъ Скобелевъ еще 6 іюля, за долго до прихода войскъ, осматривалъ крѣпость и тогда уже рѣшилъ — съ которой стороны выгоднѣе атаковать ее, но, повидимому, онъ опасался за малочисленность своего отряда, которому во что бы то ни стало надлежало сломить упорство защитниковъ Геокъ-Тепе, и съ этою цѣлью онъ считалъ полезнымъ приучить людей мало по малу къ способамъ, которые онъ для этого выбралъ, и къ опасностямъ, которыхъ имъ не слѣдовало бояться.

Въ виду этого, тотчасъ по занятіи Енгіанъ-Батыръ-кала, Скобелевъ переименовалъ его въ укрѣпленіе Самурское, по имени батальона перваго занявшаго этотъ пунктъ, и установилъ слѣдующій образъ жизни отряда, какъ описываетъ корреспондентъ „Голоса“:

„Почти во всѣхъ концахъ лагеря гремѣла постоянно музыка и ежедневно войска обучались штурмовать. Для практики устроены были временныя укрѣпленія съ глубокими рвами и брустверами сильныхъ профилей. Войска, снабженныя штурмовыми лѣстницами, обучались стройно подходить ко рву, по возможности стройно же переходить черезъ него и быстро влѣзать на брустверь. Салерная рота съ придаточными къ ней рабочими отъ полковъ усиленно занималась вязаніемъ туровъ, фашинь, снаряженіемъ штурмовыхъ лѣстницъ; а также принадлежностей для минныхъ работъ.

Каждое утро лагерь пробуждался всѣми хорами музыки, игравшими въ разныхъ частяхъ лагеря сначала зорю, молитву и затѣмъ штурмовой маршъ, подъ звуки котораго войска должны были идти на приступъ къ Геокъ-Тепе. По захожденіи солнца, хоры музыки играли вечернюю зорю и заканчивали ея тѣмъ же маршемъ.

Но не довольствуясь такимъ примѣрнымъ и сравнительно безопаснымъ обученіемъ, главнокомандующій по мѣрѣ сбора частей по очереди водилъ ихъ на серьезныя рекогносцировки, самъ каждый разъ ихъ сопровождая для того, чтобы лично убѣдиться какъ въ „духѣ“ вѣрнѣннхъ ему частей, такъ особенно для повѣрки военныхъ способностей начальниковъ. Такимъ образомъ были произведены рекогносцировки 4-го, 12-го и 18-го декабря. Самою серьезною по потерямъ была первая, когда изъ строя выбыло 23 человѣка, въ остальныхъ же двухъ потери наши ограничились 8-ю человѣками раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ первую же рекогносцировку раненъ въ руку и генералъ Анненковъ.

Впрочемъ, пребываніе въ Самурскомъ не было вполне безопасно. Днемъ конные текинцы съ замѣчательною дерзостью гарцовали на своихъ необыкновенно быстрыхъ коняхъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Самурскаго. Ночью же очень часто свистѣли ихъ пули

къ самому лагерѣ, особенно около ставки генерала Скобелева, несмотря на то, что, кромѣ аванпостовъ, кругомъ Самурскаго заложены были секреты, отъ которыхъ, впрочемъ, нерѣдко сильно доставалось дерзкимъ смѣльчакамъ.

Ставка Скобелева въ Самурскомъ помѣщалась въ срединѣ аула и состояла изъ обыкновенной кибитки, но рядомъ съ ней находилась общая штабная столовая, для которой разбивалась роскошная бухарская палатка. Мѣстность, на которой расположено Самурское, нѣсколько командуетъ надъ мѣстностью Геокъ-Тепе, почему изъ него видны не только укрѣпленія послѣдняго, но и сады Янги-Калы, помѣщавшейся ближе къ горному краю съ юго-западной стороны крѣпости. Предположивъ атаковать крѣпость именно со стороны Янги-Калы, Скобелевъ назначилъ штурмъ укрѣпленій послѣдняго на 20 декабря.

Съ этою цѣлью изъ Самурскаго двинулись три колонны: правая подъ начальствомъ Куропаткина, лѣвая подъ начальствомъ полковника Козелкова, а среднюю, составлявшую резервъ, повелъ самъ генералъ Скобелевъ.

Въ 9 часовъ утра, 20-го декабря, отслуженъ былъ молебень и прочитана была диспозиція, объясненная отдѣльнымъ начальникамъ на самомъ мѣстѣ дѣйствія еще 18-го, во время послѣдней рекогносцировки. Въ общихъ чертахъ, приказано было Куропаткину обойти по отрогамъ горъ Янги-Калу и атаковать ее съ тыла. Полковникъ Козелковъ долженъ былъ атаковать съ фронта, прямо со стороны Самурскаго. Резервъ слѣдовалъ сзади войскъ Козелкова. Понятно, что первая колонна выступила раньше, вторая часомъ позже, а еще позже пошелъ за ними резервъ. Въ полдень, Куропаткинъ, обойдя аулъ и выставивъ на позицію артиллерію, началъ дѣло. Въ это время текинцы, усявъ всѣ валы Геокъ-Тепе, съ любопытствомъ наблюдали за ходомъ сраженія у Янги-Калы. Въ два часа Скобелевъ вдругъ приказалъ своему резерву перемѣнить фронтъ и началъ наступленіе прямо къ Геокъ-Тепе. Текинцы, чаявшіе и желавшіе повторенія штурма 1879 г., немедленно стали перебѣгать изъ Янги-Калы въ крѣпость и вотъ въ этотъ моментъ колонна полковника Козелкова получаетъ приказаніе броситься въ атаку на Янги-Кала. Но еще получасомъ раньше, двѣ таманскія сотни, подъ начальствомъ отважнаго и доблестнаго графа Орлова-Денисова, атаковали текинцевъ, перебѣгавшихъ цѣлыми массами въ Геокъ-Тепе и жестоко порубили ихъ. Въ три часа колонна Козелкова со стороны Самурскаго бросилась на штурмъ и въ это же время тыльныя калы началъ штурмовать и Куропаткинъ. Благодаря такимъ превосходнымъ распоряженіямъ и дружному согласію начальниковъ колоннъ, Янги-Кала была взята съ самыми малыми потерями—у насъ былъ убитъ одинъ и ранено 15 нижнихъ чиновъ.

Тотчасъ-же по занятіи Янги-Калы, Скобелевъ приказалъ перевести туда весь лагерь, укрѣпилъ его и объявилъ войскамъ, что вмѣсто штурма, онъ поведетъ на крѣпость правильную осаду.

Къ этому времени крѣпость халатниковъ, на штурмъ которой столь весело и безопасно спѣшили въ 1879 году войска Ломакина, совершенно преобразилась, частію потому, что тщательныя рекогносцировки, сопровождаемыя съемками, выяснили дѣйствительное протяженіе верковъ и ихъ настоящее положеніе, а еще болѣе потому, что текинцы не теряли даромъ времени и, собираясь защищаться, усилили свои верки такъ, какъ это вообще принято у азіатцевъ. Они поправили валы, утолстили и возвысили ихъ, заднюю, т. е. восточную и южную ограду сравняли по высотѣ съ фасаами сѣвернымъ и западнымъ, насыпали „бруствера“ въ сторону непріятеля, а также „во внутрь“, въ чаяніи продолжать борьбу и послѣ прорыва штурмующихъ во внутренность укрѣпленія. Кромѣ того, они сдѣлали много выходовъ, прикрывъ послѣдніе валами въ видѣ подковы. Кромѣ того, съ восточной стороны укрѣпили нѣсколько калъ, служащихъ какъ бы передовыми укрѣпленіями позиціи. Прилагаемый планъ, обязательно сообщенный редакціи военнымъ инженеромъ А. Н. Масловымъ, дѣлаетъ все расположеніе и всѣ дальнѣйшія детали осады достаточно понятными. Тутъ же мы должны встать выяснить, что путаница въ названіяхъ, столь затемнявшая въ свое время получаемыя изъ ахаль-текинскаго отряда телеграммы, происходила по тому, что собственно укрѣпленіе, которое штурмовали въ 1879 и осаждали въ 1880 годахъ, носить названіе „Денгли-Тепе“, но вся мѣстность съ окружающими Денгли-Тепе калами, названными уже нами Ольгинской, Великокняжеской, Туркестанскій, Охотничьей, Опорной, Мельничной, вплоть до Янги-Калы называлась „крѣпостью голубыхъ горъ“ или Геокъ-Тепе.

Къ вечеру 20 декабря, Скобелевъ, укрѣпившись въ Янги-Калѣ, порѣшилъ энергически вести дѣло далѣе. Съ этою цѣлью на слѣдующій же день, 21 декабря, онъ поручилъ генералу Петрусевичу и подполковнику Рутковскому съ кавалеріею изслѣдовать юго-восточную сторону крѣпости, при чемъ въ резервѣ этой кавалеріи двигался самъ Скобелевъ съ пѣхотными частями. 22 декабря, на правомъ флангѣ полковнику Куропаткину предписано было занять Ольгинскую и Правый фланговую калы.

Въ деталяхъ, во время первой рекогносцировки, генералъ Петрусевичъ долженъ былъ обойти Денгли-Тепе съ юго-восточнаго угла по восточному фасу и затѣмъ по сѣверному, чтобы разузнать о сообщеніяхъ осажденныхъ съ песками. Обойдя такимъ образомъ крѣпость, ему предписывалось пройти въ Самурское на встрѣчу слѣдующему въ Янги-Калу транспорту съ артиллерійскими снарядами и провіантомъ и вмѣстѣ съ транспортомъ вернуться въ лагерь. Но текинцы не дозволили этому движенію совершиться безъ препятствій и сильно насѣдали на отрядъ, когда онъ проходилъ вдоль сѣвернаго фаса. Завязавшаяся перестрѣлка спѣшенныхъ казаковъ заставила самого Скобелева поспѣшить на выручку Петрусевица съ пѣхотой. Когда

оба отряда сошлись на кладбищѣ, то залпами изъ ружей и горныхъ орудій принудили текинцевъ возвратиться за стѣны укрѣпленій. Въ этомъ дѣлѣ убитъ 1 и ранено 6 нижнихъ чиновъ.

Дѣло Куропаткина, 22 декабря, было счастливымъ, такъ какъ ему удалось занять Ольгинскую и Правофланговую калы безъ всякихъ потерь. Но зато при взятіи третьей, находившейся здѣсь же калы, текинцевъ пришлось выбивать изъ-за валовъ двумя ротамъ Ширванскаго и сотнѣ Оренбургскаго полковъ, подъ начальствомъ подполковника Гогоберидзе, причѣмъ были ранены: самъ Гогоберидзе, сотникъ Кременецъ и четверо нижнихъ чиновъ.

Слѣдующій день — 23-го декабря, былъ чернымъ и печальнымъ днемъ для отряда. Генералу Петрусевичу съ казаками и драгунами предписано было завладѣть садами, гдѣ наканунѣ наши казаки видѣли значительный складъ фуража; онъ же долженъ былъ, отвлекая на себя вниманіе осажденныхъ, облегчить предполагавшееся одновременное съ этимъ заложеніе первой параллели. Никто не думалъ, что эта маленькая цѣль и скромное назначеніе отряда поведетъ къ такимъ чувствительнымъ потерямъ. Мѣстность, гдѣ былъ сложенъ фуражъ, оказалась весьма пересѣченною, со множествомъ арыковъ и стѣнокъ, за которыми засѣли текинцы. Пришлось спѣшить войска. Разсыпавшись и пострѣлявъ, казаки и драгуны вскочили въ одну изъ садовыхъ оградъ, а за ними вѣхалъ верхомъ Петрусевичъ съ своимъ неизмѣннымъ ординарцемъ, урядникомъ Андреемъ, и въ сопровожденіи командира Полтавскаго казачьяго полка, полковника князя Эристова. Между тѣмъ, съ другой стороны узкихъ воротъ, текинцы, поставивъ ружья на сошки, ожидали русскихъ. Раздался убійственный залпъ, поразившій многихъ и въ числѣ этихъ многихъ смертельно ранившій Петрусевича. Вмѣстѣ съ этимъ съ боку изъ другихъ воротъ сюда же ворвалось 300 человекъ текинцевъ и надъ умиравшимъ генераломъ завязалась отчаянная борьба. Тогда князь Эристовъ, отозвавъ нѣкоторую часть сражавшихся, вывелъ ихъ за стѣну и отсюда далъ нѣсколько залповъ; текинцы пошатнулись, благодаря чему драгуны и казаки могли выйти изъ этихъ злополучныхъ „садовъ Петрусевича“ ¹⁾, унося съ собою умирающаго вожда. Дѣло это вообще дорого стало отряду: кромѣ генерала, при спѣшиваніи убитъ маіоръ Булыгинъ, убитъ также есаулъ Ивановъ, раненъ отличившійся въ дѣлѣ съ Тыкма-Сердаромъ сотникъ Аленниковъ; нижнихъ чиновъ убито 19, ранено 49. Кромѣ того, главная цѣль дѣла не была достигнута,

¹⁾ Смерть этого доблестнаго война и прекраснаго человека явилась не только большою потерей для отряда, но и для науки. Генералъ Петрусевичъ былъ хорошимъ оріенталистомъ, зналъ арабскій, персидскій и туркменскій языки. Имъ написаны многія сочиненія по топографіи и географіи Средней и Малой Азіи, а также приобрѣли особенную извѣстность изысканія по древнему руслу Аму-Дарьи (Узбою) отъ лѣваго рукава рѣки до озеръ Саракамышъ.

такъ какъ не удалось заложить первую параллель днемъ и пришлось ее доканчивать, какъ обыкновенно, ночью.

Послѣ заложения первой параллели 24 декабря, осадныя работы продолжались довольно успѣшно. До 28 сдѣлано было углубленіе первой параллели и устроены апроши отъ первой ко второй и, наконецъ, въ ночь съ 27 на 28 выведена была вторая параллель, приблизительно въ 400 саженьяхъ отъ крѣпости. Правымъ флангомъ работъ завѣдывалъ Куропаткинъ, лѣвымъ Козелковъ. Въ это время непріятель почти не тревожилъ насъ; дѣло ограничивалось перестрѣлкой, причемъ потери были незначительны, хотя въ числѣ раненыхъ въ это именно время надо упомянуть капитанъ-лейтенанта Зубова, известнаго, подобно Петрусевичу, научными работами по Средней Азіи. Рана, полученная имъ въ ногу, къ несчастію, свела его въ могилу. Произведенныя въ этотъ же промежутокъ времени фуражировки въ сторону Асхабада были очень успѣшны и значительно пополнили запасы фуража для лошадей отряда. Но роковыя дни приближались.

Въ 9 часовъ вечера 28-го декабря, пользуясь наступившей темнотою, текинцы въ числѣ 6000 человекъ, вооруженные большею частью холоднымъ оружіемъ—шашками, кинжалами, ножами и даже овечьими ножницами, надѣтыми на палки, выйдя изъ крѣпости и построившись, внезапно бросились на работавшихъ впереди 2-й параллели съ праваго фланга нашей позиціи, саперъ и пѣхотинцевъ, смяли ихъ, и въ общей суматохѣ, добѣжавъ до 2-й параллели, набросились на находившіеся здѣсь траншейныя караулы; затѣмъ ворвались въ мортирную батарею № 5-й и, пользуясь успѣхомъ натиска, дошли до горной батареи, помѣщавшейся въ 1-й параллели, вырѣзали находившійся здѣсь небольшой караулъ, взяли одно горное орудіе, много ружей и нѣсколько ящиковъ съ патронами. Одновременно съ этимъ, другая партія текинцевъ старалась обойти правобланговую калу, съ цѣлью зайти въ тылъ всей русской атакѣ. Но эта послѣдняя попытка не удалась, благодаря мѣткому дѣйствію находившихся здѣсь орудій.

Какъ только прошло первое замѣшательство отъ внезапности наступленія текинцевъ, тотчасъ же былъ открытъ огонь по крѣпости изъ всѣхъ орудій и вызванные войска изъ лагеря, направленные въ траншеи, заставили наступающихъ снова вернуться въ крѣпость. Тѣмъ не менѣе наши потери были велики; кромѣ орудія и знамени Апшеронскаго батальона, взятаго текинцами и на другой день поставленнаго на холмѣ Денгли-Тепе, у насъ вышло изъ строя 5 штабъ и оберъ-офицеровъ (4 убито 1 раненъ); нижнихъ чиновъ 91 убитыми и 30 ранеными.

Раздосадованный подобной неудачей, Скобелевъ, не желая оставлять непріятеля подъ впечатлѣніемъ одержанной побѣды, 29 числа приказалъ полковнику Куропаткину взять штурмомъ калы Великокняжеской позиціи. Въ 2 часа пополудни открыли изъ всѣхъ батарей

учащенную пальбу, а въ три часа отрядъ Куропаткина съ музыкою и распущенными знаменами пошелъ на приступъ. Атакованное укрѣпленіе было быстро взято, благодаря артиллерійскому огню, а также прекраснымъ распоряженіямъ командующаго колонной, причемъ убитъ 1, ранено 5 офицеровъ; нижнихъ чиновъ убито 16 и ранено 46. Одновременно со штурмомъ Великокняжеской позиціи, Скобелевъ приказалъ подвинуть лагерь, помѣщавшійся въ Янги-Калѣ, къ первой параллели, версты на полторы ближе къ крѣпости.

Однако, текинцы не теряли мужества. Въ ночь съ 30-го на 31-е декабря, они сдѣлали новую вылазку, направивъ ея на лѣвый флангъ 2-й параллели, на такъ называемый Ставропольскій редутъ. Пользуясь находящимся невдалекѣ оврагомъ, они скрытно дошли до редута и внезапно вскочили во внутрь русскаго укрѣпленія. Тутъ они вырѣзали роту Закаспійскаго батальона, опять унесли горное орудіе, сотню берданокъ и большое количество патроновъ. Снова загремѣла артиллерія со всѣхъ батарей, и такъ какъ и на этотъ разъ вылазку съ фронта текинцы хотѣли поддержать фланговой атакой на Янги-Калу, то вскорѣ въ тылу лагерь послышались залпы апшеронцевъ, выведенныхъ подполковникомъ Поповымъ противъ нападающей кавалеріи. Поражаемые, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ, текинцы отступили, оставивъ массу тѣлъ и видимо понеся гораздо болѣе потерь, чѣмъ въ вылазку 28-го декабря. У насъ же убиты 1 офицеръ и 52 нижнихъ чина; ранено 2 офицера и 92 нижнихъ чина.

Генералъ Скобелевъ разсердился не на шутку, въ гнѣвъ оборвалъ бѣднаго прапорщика Морица, отступившаго съ нѣсколькими уцѣлѣвшими изъ Закаспійской роты рядовыми и потерявшаго орудіе, и на утро приказалъ лагерю еще ближе подойти къ крѣпости, причемъ собственную кибитку разбилъ во 2-й параллели, тамъ гдѣ начинался центральный ходъ. Размѣщенный здѣсь лагерь находился постоянно подъ выстрѣлами изъ крѣпости и въ немъ убито и ранено нѣсколько человѣкъ больничной прислуги и лицъ изъ штаба командующаго войсками; такъ напр., здѣсь раненъ командиръ дальнобойной девяти фунтовой батареи 21-й артиллерійской бригады подполковникъ Вильде и вторично раненъ находившійся въ кибиткѣ Краснаго Креста, смертельно уже раненый 29-го декабря, военный инженеръ-капитанъ Яблочковъ. Подвинувъ лагерь къ крѣпости, генералъ приказалъ сѣздить протяженіе атаки, сосредоточивъ работы на меньшемъ протяженіи противъ юго-восточнаго угла. Главныя работы производились на правомъ флангѣ, у калѣ Великокняжеской, Туркестанской и Охотничьей, находившихся подъ начальствомъ полковника Куропаткина, который и ставку свою разбилъ въ Великокняжеской калѣ. Мѣсто это, находившееся въ 50-ти саженьяхъ отъ Денгли-Тепе, осыпалось текинцами выстрѣлами изъ нашихъ же берданокъ, уже въ достаточномъ числѣ находившихся въ крѣпости, а потому инженерныя апроши здѣсь приходилось вести „тихой сапой“. 30-го декабря, на этомъ

пунктъ было очень невесело. За ночь съ 29-го на 30-е декабря наши саперы не успѣли достаточно углубить и устроить ходы сообщенія между находящимися здѣсь калами, чтобы движеніе по нимъ было безопасно. Здѣсь-то именно и погибъ жертвой своей смѣлости инженеръ-капитанъ Яблочковъ, завѣдывавшій осадными работами праваго фланга, въ то время какъ онъ перебѣгалъ изъ Охотничьей въ Великокняжескую, интересуясь, что дѣлается въ послѣдней.

Вотъ какъ описываетъ этотъ трагическій для молодого инженера моментъ преемникъ его по обязанности продолжать начатую здѣсь инженерную атаку, военный инженеръ капитанъ Масловъ:

„Соединительный ходъ состоялъ изъ двухъ колѣнъ, составлявшихъ между собою тупой уголъ; оба колѣна обстрѣливались. Яблочковъ пробѣжалъ первое и при поворотѣ присѣлъ вздохнуть за стѣнкой, за которой лежали наши стрѣлки; потомъ всталъ и пробѣжалъ ко входу въ Великокняжескую. Но текинцы, замѣтивъ его, держали ружья на сошкахъ и шагахъ въ трехъ отъ входа всадили ему въ бокъ пулю. Яблочковъ вскочилъ въ калу какъ ужаленный, схватился за грудь, повторяя нѣсколько разъ: „Ага! есть! есть!.. смертельно раненъ!..“ и потомъ судорожно началъ разстегивать сюртукъ, изъ-подъ котораго уже лилась кровь... Тутъ его подхватили и унесли на перевязочный пунктъ“.

Не смотря, однако, на блестящій для осажденныхъ успѣхъ вылазокъ 28-го и 30-го декабря, потери, понесенныя ими, видимо поколебали мужество многихъ защитниковъ. Очевиднымъ для насъ результатомъ такой деморализаціи были уходъ изъ крѣпости 4000 всадниковъ, 1-го января удалившихся черезъ пески къ Мерву; съ ними ушло много текинцевъ, захватившихъ съ собою взятые ими берданки. Но за то оставшіеся поклялись умереть до послѣдняго, прежде чѣмъ сдать русскимъ священную крѣпость.

Со 2-го января изъ Охотничьей калы саперы наши повели мину и вмѣстѣ съ тѣмъ было предпринято уширеніе траншей, такъ какъ даже чрезмѣрныя потери наши въ дни вылазокъ приписывались плохой профили вырытыхъ узкихъ и съ отвѣсными стѣнками траншей.

Подъ вечеръ 4-го января, часовые дали знать, что, повидимому, непріятель снова готовится къ вылазкѣ. Текинцы еще разъ хотѣли попробовать счастья.

Какъ и въ первыя двѣ вылазки, они стремительно бросились на часть нашихъ работъ лѣваго фланга и особенно на мортирную батарею. Но на этотъ разъ полковникъ Козелковъ съ своимъ батальономъ ставропольцевъ встрѣтилъ ихъ иначе, чѣмъ прежде. Нижнимъ чинамъ приказано было выйти изъ траншей и стать позади ихъ сомкнутымъ строемъ, такъ что текинцамъ, чтобы подойти съ своимъ холоднымъ оружіемъ къ нашимъ войскамъ, нужно было вбѣжать на земляное возвышеніе и потомъ перескочить чрезъ ровъ траншей. Ставропольцы же стрѣляли въ нихъ, не сидя въ траншейномъ рву, какъ это дѣлалось въ первыя двѣ вылазки, а стоя, и меткіе залпы ихъ произвели страшное опустошеніе между текинцами.

Непріятель бѣжалъ, оставивъ массу тѣлъ между нашими работами и валами. Наши потери составили одинъ офицеръ и десять нижнихъ чиновъ убитыми, три офицера и 50 нижнихъ чиновъ ранеными. Вылазка эта признана была текинцами за поражение и съ этого дня до работавшихъ въ сапѣ долетали споры, крики, ссоры текинцевъ и мычанье верблюдовъ, нагружаемыхъ пожитками осажденныхъ. 7-го января, было заключено перемиріе для уборки тѣлъ павшихъ 4-го января текинцевъ. Вотъ какъ, по словамъ корреспондента „Новаго Времени“ происходило дѣло:

Въ часъ пополудни на Ширванскій редутъ явился подполковникъ Юмудскій (родомъ туркменъ) съ перебѣжчикомъ персомъ и объявилъ, что онъ посланъ Скобелевымъ начать переговоры съ текинцами объ уборкѣ труповъ. На Туркестанской калѣ выкинули бѣлый флагъ и штабъ-трубачъ заигралъ „слушайте всѣ“ и „отбой“... Сигналы этотъ подхватили всѣ горнисты, но долго еще онъ протяжно разносился по позиціямъ, пока стрѣльба съ нашей стороны не стала утихать.

Для переговоровъ должны были выйти съ обѣихъ сторонъ на середину, противъ праваго угла редута, по три человѣка. Съ нашей стороны вышелъ Юмудскій съ двумя конвойными, а одновременно и текинскіе парламентареры.

Обѣ партіи вышли и сѣли шагахъ въ шести другъ противъ друга. Послѣ обычныхъ восточныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, Юмудскій, объявилъ, что генералъ Скобелевъ, изъ вниманія къ храбрымъ текинцамъ, приказалъ заключить съ ними перемиріе часа на два, пока они не успѣютъ убрать трупы своихъ воиновъ.

Въ это время со стѣнъ кричали: „Намъ не надо ихъ; и такъ довольно въ крѣпости валяется этихъ собакъ!“

Убитые передъ Великокняжеской были большею частью асхабатцы, покинувшіе Геокъ-Топе въ самую критическую минуту, и защитники были на нихъ озлоблены. На стѣнѣ между тѣмъ постепенно появлялись текинцы, между которыми виднѣлась молодецкая фигура Мурадъ-хана. Въ красномъ халатѣ и съ кошемъ въ рукѣ, онъ ходилъ въ доль парашета и громко кричалъ своимъ: „Не смѣть стрѣлять по русскимъ, пока не подадутъ знакъ; кто выстрѣлитъ—тому смертная казнь!“

Къ 4-мъ часамъ, тѣла постепенно были убраны. Наши и текинцы начали исчезать въ траншеяхъ и за стѣною, а ружейные стволы опять легли въ бойницы, опять были намѣчены цѣли и только ожидали сигнала для возобновленія военныхъ дѣйствій. Наконецъ, текинцы, вышедшіе для переговоровъ, сказали Юмудскому:

— Ну, теперь ступай; да храни тебѣ Аллахъ, стрѣлять будемъ.

Когда халаты парламентареровъ скрылись за парашетомъ, было сдѣлано три выстрѣла на воздухъ и затѣмъ съ обѣихъ сторонъ, какъ горохъ, посыпались пули и до самаго заката солнца съ особеннымъ ожесточеніемъ велась перестрѣлка.

Съ 8-го января саперныя работы быстро подвигались впередъ и моментъ штурма приближался.

IX.

12-го января 1881 года.

Работы инженерной атаки дѣятельно продолжались. Не смотря на множество мѣстныхъ препятствій, на необходимость употреблять

случайный матеріалъ, для котораго ежеминутно приходилось изобрѣтать особые приемы, не смотря на то, что работали безъ нужныхъ инструментовъ или съ инструментами попорченными и неисправными,—каждый часъ приближалъ насъ къ намѣченной цѣли. Начатый 2-го января минный спускъ изъ Охотничьей калы принуждены были бросить, такъ какъ галлерей стала заливаться водою, просачивавшеюся изъ арыка, а также и потому, что она выходила слишкомъ длинною для находившагося на работахъ вентиляціоннаго рукава, имѣвшаго только тридцать саженъ. Поэтому еще 3-го января было рѣшено окончательно завладѣть плотиною, находившеюся передъ Великокняжеской позиціей, вырубить деревья, стоявшія сзади плотины, и, устроивъ плацдармъ, подвинуться еще ближе къ крѣпости. Вылазка 4-го января нѣсколько замедлила исполненіе этихъ предположеній и заставила, находясь въ сферѣ самаго убійственнаго огня изъ крѣпости, гдѣ текинцы были на выборъ при малѣйшей неосторожности какъ съ главнаго вала, такъ особенно изъ фланкировавшей это мѣсто „подковки“, вести дѣло „тихой сапой“¹⁾.

Въ силу этого, выйдя изъ-за плотины подступами тихой сапой въ разстояніи тридцати саженъ отъ атакованнаго вала, образовали двойной тихой сапой саперный редутъ, изъ котораго и повели уже минную галерею. Къ этому времени работы на лѣвомъ флангѣ почти совсѣмъ прекратились, такъ какъ эти работы сильно поражались изъ мельничной калы, занятой текинцами; овладѣвать же штурмомъ этой калой Скобелевъ не считалъ нужнымъ, такъ какъ это еще болѣе растануло бы его позицію и, по его собственному выраженію въ приказаніи подполковнику Рудковскому, „вовлекло бы насъ въ сферу случайностей“.

Тѣмъ не менѣе, съ утра 8-го января брешь-батарея, находившаяся на лѣвомъ флангѣ 2-й параллели, открыла дѣйствія противъ пункта А. (см. планъ) на юго-восточномъ углу текинской крѣпости.

Непріятель, въ свою очередь, не оставался безъ дѣла. Наблюдавшіе съ высоты башни Великокняжеской калы доносили, что въ Геокъ-Тепе шла усиленная дѣятельность, особенно по ночамъ. Въ теченіи дня текинцы внутри своихъ укрѣпленій старались укрываться отъ

¹⁾ Въ военно-инженерномъ искусствѣ различаютъ двѣ сапы: „летучую“ и „тихую“. Первая обыкновенно возводится сразу на большомъ протяженіи постановкою плетеныхъ цилиндрическихъ корзинъ (туровъ) по всей линіи будущаго хода или траншеи. Работа эта сопряжена съ потерями и потому ее предпочитаютъ производить ночью, неожиданно и на разстояніи дальняго выстрѣла отъ непріятеля. Вблизи крѣпости летучая сапа удается рѣдко, а потому предпочитаютъ работать постепенно, ставя изъ-за готовой уже траншеи туры по одному и работая только четырьмя саперами. Тихая сапа, если она обращена къ выстрѣламъ непріятеля однимъ бокомъ, называется одиночною, если же она поражается съ трехъ сторонъ, то называется двойною. Приемы веденія той и другой различны, но это различіе составляетъ уже строго специальную деталь вопроса.

нашихъ выстрѣловъ и, главное, отъ артиллерійскаго огня. Для этого они также углубили свои кибитки въ пески и устроили особаго рода ямы, въ которыя помѣстили свои семейства. Брешь была пробита скоро, но, не смотря на довольно сильный огонь изъ нашихъ орудій, текинцы быстро исправляли поврежденія, набрасывая землю изъ внутреннего рва.

Въ ночь съ 8-го на 9-е января, брешь-батарея увеличена была еще на четыре орудія, а въ центрѣ работъ сапою же продолжались изъ овальной траншеи работы далѣе и доведены были до крѣпостнаго рва. Особенно тяжелою для гарнизона была ночь съ 7-го на 8-е января. Въ эту ночь, говоритъ корресп. „Нов. Вр.“ внутренность крѣпости, въ особенности юго-восточный уголъ, былъ подвергнутъ жестокой бомбардировкѣ. Для этого на лѣвомъ флангѣ батареи № 7 была вооружена шестью мортирами, а на правомъ—десять мортиръ было установлено въ оврагѣ, откуда можно было обстрѣливать крѣпость съ самаго близкаго разстоянія.

По распоряженію начальника артилеріи, эти мортиры по временамъ стрѣляли залпами. Десять бомбъ сразу, точно снопы падающихъ звѣздъ, шипы и свистя своими трубками, высоко перелетали стѣны и быстро лопались одна за другою, такъ что звуки разрыва сливались въ одинъ общій раскатъ...

9-го января, весь день брешь-батарея усиленно дѣйствовала по юго-восточному углу крѣпости и, когда пробитая ею брешь была достаточно расширена, она начала стрѣлять разрывными снарядами и осыпала брешь осколками; но, тѣмъ не менѣе, текинцы не переставали усердно исправлять поврежденія.

Генераль торопилъ штурмомъ и назначилъ его сначала на 10-е января. Побудительными причинами сдѣлать служили слухи, начавшіе доходить до Скобелева, что между туркменами, живущими вдоль рѣки Атрека, начинается замѣчаться враждебное намъ движеніе, грозившее, въ случаѣ дальнѣйшаго промедленія, перейти въ открытое возстаніе. Но въ случаѣ неудачнаго штурма дѣло вышло бы еще хуже, и потому, когда полковникъ Рудковскій донесъ, что горнъ, назначенный образовать второй обвалъ В., можетъ быть оконченъ не ранѣе, какъ съ 11-го на 12-е января, пришлось отложить штурмъ до 12-го января.

Работы въ минѣ шли медленно, но хорошо еще, что они вообще шли. И здѣсь, какъ и всюду (таковъ ужъ видно фатумъ, преслѣдующій добродушнаго русскаго человѣка), у насъ не оказалось необходимаго. У саперъ не было угломѣра и потому галлерей сначала приобрѣла невѣрное направленіе; вентиляторъ шумѣлъ немилосердно, и только потому, что вниманіе текинцевъ было обращено на стрѣльбу изъ брешь-батареи, они не замѣчали его злобѣщаго жужжанія. Но незадолго до окончанія мины и этотъ „штрументъ“ сломался. Ученые инженеры заохали, замахали руками, теребили волосы и ругали

то „нѣчто“, которое вѣчно забавляется устраивать русскому человеку подобныя сюрпризы. Скобелевъ выходилъ изъ себя (внутренно онъ какъ-то мало вѣрилъ въ удачу взрыва). Вывезла, какъ и всегда, привычка русскаго солдата къ всякому сюрпризу и соотвѣтствующая ей готовность работать пятерней, когда сломается патентованная лопата. Клинушками, которые ежеминутно выскакивали и постоянно забивались, бичевочками, которыя ежечасно рвались и снова связывались, саперы налаживали свой „штрументъ“ и продолжали имъ по-свистывать; товарищи же ихъ, сидѣвшіе въ тридцати-саженной дырѣ, прокопанной подъ вражьей крѣпостью, временами чувствуя затруднительное положеніе поломаннаго вентилятора, великодушно старались дышать „не шибко“, экономизируя притекающій кислородъ, и вотъ съ помощью такой приспособительности, къ 10 часамъ утра 12-го января, зарядивъ горнъ 72-мя пудами пороха и сдѣлавъ надлежащую забивку и, выползя назадъ въ саперную калу, они отвели душу, обругавъ изкалѣченный вентиляторъ проклятымъ. Въ 10 часовъ 12-го января, подполковникъ Рудковскій донесъ Скобелеву, что горнъ готовъ.

Артиллерійская брешь была готова раньше и, кромѣ того, въ ночь съ 11-го на 12-е января, 1-го резервнаго желѣзнодорожнаго батальона поручикъ Остолоповъ и мичманъ каспійской флотиліи Майеръ, вмѣстѣ съ охотниками отъ желѣзнодорожнаго батальона и моряками, подъ прикрытіемъ роты Апшеронскаго батальона, вызвались увеличить количество поднятой земли на бреші пироксилиновыми взрывами. Подвигъ храбрыхъ охотниковъ и ихъ офицеровъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: взрывы пироксилина значительно расширили брешь. Оставалось только мѣшать непріятелю чинить ее, или производить какія нибудь другія работы для усиленія своихъ верховъ. Съ этою цѣлью, всю ночь на 12-е января поддерживался ружейный и артиллерійскій огонь. За это время въ отрядѣ раненъ одинъ офицеръ, убито пять и ранено 24 нижнихъ чина.

Диспозицію, отданную для штурма Скобелевымъ, можно назвать образцовою.

Для нанесенія окончательнаго удара Геокъ-Тепе, назначена была атака его укрѣпленій съ трехъ сторонъ. Колонна полковника Куропаткина ¹⁾ должна была двинуться на штурмъ изъ калѣ, которая она занимала, и направиться чрезъ минную брешь, взорванную галваническою батареею, поставленною въ Охотничьей калѣ. Второй штурмовой колоннѣ, полковника Козелева ²⁾, предназначалось выйти изъ ровиковъ, устроенныхъ въ третьей параллели, и атаковать брешь, пробитую артиллерійскимъ огнемъ. Третья колонна, подполковника

¹⁾ Она состояла изъ 1 бат. и 2 ротъ ширванцевъ, $\frac{1}{2}$ роты саперъ и охотниковъ, сотни спѣшенныхъ казаковъ, 4-хъ горныхъ орудій, 2-хъ картечницъ и 2-хъ ракетныхъ станковъ—всего около 900 человекъ.

²⁾ Состояла изъ 2-хъ батал., взвода саперъ и команды охотниковъ, 2-хъ орудій, 1-й картечницы и 2-хъ ракетныхъ станковъ—всего около 1000 человекъ.

Гайдарова ¹⁾, имѣла преимущественно демонстративный характеръ и должна была взять мельничную калу, расположенную на р. Опорномъ, рекогносцировка которой была произведена самимъ Скобелевымъ еще 9-го января. Общій резервъ, подъ личнымъ начальствомъ генерала-адъютанта Скобелева, расположенъ былъ во второй параллели у Ставропольскаго редута и долженъ былъ, смотря по надобности, поддерживать ту или другую изъ трехъ штурмовавшихъ колоннъ ²⁾.

Въ 6 часовъ утра, 12 января, Скобелевъ сталъ во главѣ своей колонны; саперы на правомъ флангѣ торопились еще съ забивкою горна. Увѣренный въ скоромъ окончаніи этой работы, въ 7 часовъ онъ приказалъ колоннѣ полковника Гайдарова начать дѣло.

Смѣло, карьеромъ, выскочила на позицію четвертая батарея 19-й артиллерійской бригады и начала осыпать своими выстрѣлами мельницу и окружавшія ея строенія.

Одновременно съ этимъ движеніемъ, началась сильная стрѣльба со всѣхъ нашихъ батарей по непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Брешь-батарея продолжала разбивать и уширять пространство, пробитое ею въ стѣнѣ.

Въ то же время часть выстрѣловъ была направлена во внутренность укрѣпленія, гдѣ около сѣвернаго фаса предполагалось значительное скопленіе непріятеля. Несмотря, однако, на сильный артиллерійскій и ружейный огонь, текинцы отважно держались на стѣнахъ укрѣпленій и съ большею энергіей исправляли производимыя поврежденія.

Въ 10 часовъ бой шелъ въ полномъ разгарѣ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ Гайдаровъ успѣлъ уже завладѣть мельничной калой и намѣревался, вооруживъ охотниковъ штурмовыми лѣстницами, овладѣть валами Денгли-Тене безъ всякихъ обваловъ. Въ центрѣ ждали только взрыва. Но какъ ни торопились минеры, все было готово только къ 10 часамъ; однако инженеры все еще не рѣшались на взрывъ, боясь, что отъ сотрясенія разрушатся всѣ глиняные калы, въ которыхъ еще укрывались войска колонны Куропаткина. Рѣшено было поэтому ихъ отвести, на что потребовалось еще 20 минутъ. Въ 10 часовъ и 20 минутъ, въ Охотничьей калѣ оставались капитанъ Масловъ, поручикъ Чернякъ и унтеръ-офицеръ Шульга; а впереди, въ траншеяхъ, почти обокъ со взрываемой стѣной, охотники поручика Воропанова ³⁾. Этихъ не хотѣли отводить, и рѣшились лучше нѣсколь-

¹⁾ Состояла изъ 1 батал. команды охотниковъ и взвода саперъ, 2-хъ орудій, 1-й картечницы, 5 ракетныхъ станковъ, 2-хъ сотенъ кавалеріи—всего 700 человекъ.

²⁾ Резервъ состоялъ изъ 17 ротъ пѣхоты, 3-хъ ротъ спѣшенной кавалеріи, 1-й роты желѣзнодорожнаго батальона и 24-хъ орудій—всего около 2000 человекъ. При всѣхъ частяхъ находились геліографіе станки.

³⁾ Воропановъ—начальникъ охотничьей команды, молодой, но отличный офицеръ. Онъ исходилъ съ своей командой всю степь и во всѣхъ дѣлахъ былъ съ охотниками въ передовой линіи... Такъ говорить о немъ корреспондентъ „Новаго Времени“.

кими изъ нихъ пожертвовать, чтобы имѣть подъ руками людей, способныхъ вскочить на брешь тотчасъ послѣ взрыва.

Офицеры, находившіеся въ Охотничьей калѣ, молча смотрѣли на часы, унтеръ-офицеръ держалъ проволоки. Минута, еще... и еще минута, у всѣхъ болѣло сердце; что ежели не взорветъ? Вчера еще Скобелевъ сердито спрашивалъ у Рудковского, какое основаніе имѣть онъ надѣяться на успѣхъ взрыва, когда у самаго Вобана изъ 56-ти взрывовъ удалось только три?!

— Готово?.. Замыкай цѣпь!

Унтеръ-офицеръ сдѣлалъ какое то движеніе. Густой гулъ потрясъ почву и масса земли, камней, обломковъ и пыли, поднявшаяся надъ всѣмъ этимъ мѣстомъ, дала знать отряду, что инженеры хорошо сдѣлали свое дѣло.

Въ тотъ же мигъ дали послѣдній залпъ изъ орудій, и еще не успѣлъ разсѣяться дымъ отъ выстрѣловъ, какъ обѣ колонны уже оказались на верху своихъ обваловъ. Первая, устремившаяся на артиллерійскій обвалъ, имѣла впереди охотниковъ Ашперонскаго полка, за которыми шелъ весь батальонъ, увлекаемый доблестнымъ командиромъ графомъ Орловымъ-Денисовымъ. Впереди второй колонны шли охотники Воропанова и саперы, за которыми непосредственно слѣдовали ширванцы, подъ предводительствомъ маіора Сивиниса. Остальныя части поддерживали ихъ сзади.

Непріятель, пораженный неожиданнымъ взрывомъ, успѣлъ однако быстро оправиться, залегъ за боковыя стѣнки, оставшіяся не обрушенными, и встрѣтилъ штурмующихъ убійственнымъ залпомъ. Вся первая шеренга легла, какъ скошенная, и шедшія впереди три офицера (между которыми былъ и злополучный прапорщикъ Морицъ) пали мертвыми. На минуту въ рядахъ штурмующихъ произошло замѣшательство и Скобелевъ, зорко слѣдившій за происходившимъ, быстро послалъ для поддержанія успѣха изъ своего резерва двѣ роты ширванцевъ, приходъ которыхъ рѣшилъ дѣло. Текинцы, не находя уже болѣе защиты, отступили, и вскорѣ знамя ширванцевъ, поставленное на верху обвала, свидѣтельствовало объ одержанномъ здѣсь успѣхѣ. Такъ-же молодецки выполнила свою задачу первая колонна. Съ крикомъ „ура!“ и съ музыкою, влетѣла она на образованную снарядами брешь. Здѣсь текинцы, еще ошеломленные дѣйствіемъ взрыва у нихъ въ тылу, сопротивлялись не упорно, такъ что явилась полная возможность, даже вопреки диспозиціи, сойти съ вала и продолжать бой внутри укрѣпленія.

Къ этому же моменту, самурцы изъ колонны Гайдарова съ помощью лѣстницъ завладѣли валомъ и вошли въ связь съ колоннами, штурмовавшими обвалы. Текинцы побѣжали, хотя нѣкоторые еще продолжали отстрѣливаться, спрятавшись въ кибиткахъ, но уже это было слабое, безтолковое сопротивленіе.

Еще нѣсколько выстрѣловъ, натискъ ширванцевъ Сивиниса—и

цитадель крѣпости, священный холмъ Денгли-Тепе, сдался послѣ небольшого сопротивленія. Водруженный сейчасъ же здѣсь императорскій штандартъ, при громѣ орудійнаго салюта, звукахъ музыки и восторженныхъ крикахъ „ура!“ опредѣлилъ моментъ покоренія новаго племени храбрыхъ азіатскихъ номадовъ могущественной власти Бѣлаго Царя Россіи.

Въ это же время, кавалерія князя Эристова, обойдя крѣпость съ сѣвера, гнала уже передъ собою спасавшихся въ отчаяніи текинцевъ. Пятнадцать верстъ преслѣдовали своего непріятеля казаки, безостановочно рубя ихъ направо и налево, не давая пощады никому, воздавая за погибшихъ товарищей и разколаживая злобу, накопившуюся за время долгой, опасной и тяжелой осады.

— Спасибо, молодцы! говорилъ Скобелевъ веселымъ голосомъ, пропуская черезъ бреши войска.—Надѣюсь, что вы хорошо порубите текинцевъ. (Въ день штурма было отдано приказаніе уничтожать текинцевъ безъ пощады).

Грозныя, скажутъ, безчеловѣчныя слова! Въ кабинетѣ, да въ горѣ,—пожалуй, но въ глухой степи, среди воинственнаго народа, имѣющаго о себѣ весьма выгодное понятіе, и притомъ командуя маленькимъ, обезсиленнымъ отъ трудовъ и борьбы отрядомъ,—нисколько. Къ несчастію, силѣ (даже и природной) легче показать себя на разрушеніи, нежели на созиданіи, и потому кому надо, непременно надо доказать эту силу,—тому остается только держаться безчеловѣчной логики войны.

Но человѣкъ двойственъ: повинуюсь рѣзкимъ требованіямъ разума, онъ склоненъ уступать мягкости сердца.

Подъ ноги лошади грознаго побѣдителя крѣпости упало текинское дитя—дѣвочка. Скобелевъ поднялъ ребенка на руки и велѣлъ отвезти его къ себѣ въ кибитку. Тамъ онъ взялъ маленькую плѣнницу и принесть графинѣ Милутиной на попеченіе.

Подобно вождю, и войска въ день штурма не давали пощады мужчинамъ, но взяли до 4000 женщинъ и дѣтей, поступившихъ также на попеченіе сестеръ „Краснаго Креста“, не смотря на громадную работу, заданную этому святому войску любви и милосердія едва законченнымъ штурмомъ.

Не малы были и наши потери, не дешево досталось намъ взятіе крѣпости. Убито 5 офицеровъ и 55 нижнихъ чиновъ; ранено офицеровъ 18, нижнихъ чиновъ 236; контужено офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ 75. Все это досталось на поправленіе персоналу „Краснаго Креста“, который, однако, нашелъ еще время перевязать до 300 раненыхъ текинскихъ женщинъ и дѣтей.

Прослѣдивъ, что сдѣлала русская сила при завоеваніи оазиса, бросимъ теперь взглядъ на работу „милосердія“, выпавшую на долю персонала „Краснаго Креста“, — на работу, стоившую также не мало

жертвъ и совершенную путемъ изумительнаго самопожертвованія докторовъ, сестеръ и санитаровъ этого отряда.

Х.

Подвиги состраданія и любви.

Завоеваніе Ахаль-Текинскаго оазиса, въ числѣ военныхъ подвиговъ русской арміи, не можетъ занимать перваго мѣста. Въ вѣнкѣ русской военной славы,—это блестящій, яркій, но все таки маленькій листикъ. Но та же экспедиція, тотъ же походъ, имѣетъ право составить лучшую страницу въ недавней сравнительно дѣятельности „Краснаго Креста“. Тутъ лица этого учрежденія выказали себя безупречными героями, подъяли колоссальный трудъ и принесли дѣлу состраданія и любви большія жертвы. Никогда и нигдѣ, быть можетъ, труженикамъ „Краснаго Креста“ не приходилось такъ жертвовать собою и подвергаться столькимъ опасностямъ, какъ въ ахаль-текинскую экспедицію. Непріятель, съ которымъ имѣли дѣло, съ ранней молодости самъ равнодушно смотрящій на жизнь, не зналъ состраданія; онъ не только убивалъ, но и мучилъ, о чемъ свидѣтельствовали случаи въ родѣ приведеннаго въ отчетѣ князя Шаховскаго:

Послѣ дѣла 21-го декабря, доставлены были два трупа пропавшихъ безъ вѣсти казаковъ въ такомъ видѣ: на рукахъ и ногахъ были вытянуты ногти, ягодичныя части прожжены, грудь разрѣзана на три части, сердца вырваны и головы отрублены. Очевидно было, что первыя три операціи произведены были надъ живыми.

Понятно поэтому, что раненыхъ слѣдовало подбирать сейчасъ же, если желали ихъ избавить отъ ужасныхъ незаслуженныхъ мукъ, а для этого нужно было людямъ, посветившимъ себя на служеніе страданію, идти впереди или рядомъ съ тѣми, кому выпало назначеніе служить русской славѣ.

Лица, входившія въ составъ санитарнаго отряда Скобелева, буквально такъ и понимали свою обязанность: они ходили впереди войска или рядомъ съ нимъ, самоотверженно выставляясь подъ выстрѣлы непріятеля, которому не могли вредить. О величіи этого подвига, о значеніи такого процесса, краснорѣчиво свидѣлствуютъ цифры потерь отряда. Изъ 330 человекъ убито: нижнихъ чиновъ 14, ранено 6; докторовъ убитъ 1, ранено 2 и контужена 1 сестра, т. е. общая потеря составляетъ болѣе 8⁰/₁₀.

Въ деталяхъ дѣятельность Краснаго Креста представляется слѣдующею ¹⁾:

Къ 1-му декабря 1880 года, когда Скобелевъ нашелъ нужнымъ занять Егіанъ-Батыръ калу (впослѣдствіи Самурское), военный госпи-

¹⁾ Заимствуемъ изъ статьи „Голоса“—„Дѣйствія передоваго отряда“, а также изъ статей „Др.“, помѣщенныхъ въ №№ 147, 156, 186 газеты „Порядокъ“. В. П.

таль на 200 кроватей еще не прибылъ въ Бами, также какъ не прибыли еще и дивизионныя лазареты 19-й и 21-й дивизіи. Между тѣмъ слѣдовало ожидать раненыхъ, и потому, „Красному Кресту“, находившемуся на мѣстѣ, естественно выпала роль въ передовой линіи, а не въ тылу, какъ это предполагалось сначала. Въ силу этого, въ Бами сформировали околотовъ на 30 больныхъ и подъ названіемъ самурскаго батальоннаго лазарета двинули въ Егянъ-Батыръ калу. Съ этимъ же отрядомъ отправился и первый перевязочный пунктъ, подъ завѣдываніемъ доктора Щербака, при 2-хъ санитаряхъ, съ обозомъ, состоявшимъ изъ 10-ти одноколокъ и 4-хъ фургоновъ.

4-го декабря, отряду доктора Щербака уже выпала работа, такъ какъ онъ же сопровождалъ войска въ первую рекогносцировку Денгли-Тепе и работалъ все время въ сферѣ непріятельскаго огня. Изъ 22-хъ раненыхъ въ этомъ дѣлѣ 16 на другой день были отправлены въ Бами на одноколкахъ отряда. Но подобная эвакуація представляла значительную опасность при полной необезпеченности нашего тыла, и требуя конвоя, не могла происходить безостановочно и недозволяла отправлять назадъ трудно раненыхъ. Поэтому, сформированному въ Бами лазарету общества предложено было развернуться на 50 мѣстъ въ укрѣпленіи Келяты въ 16-ти верстахъ отъ Самурскаго, 50 мѣстъ оставить въ Бами и устроить также въ Дурунѣ лазаретъ на 50 кроватей, а въ Арчманѣ ночлежно-питательный пунктъ съ 25 койками. Кромѣ того, къ организованному уже перевязочному пункту доктора Щербака прибавлено было еще два, подъ завѣдываніемъ доктора Малиновскаго. Распоряженія эти были выполнены къ 12-му декабря, когда транспорту Малиновскаго прямо съ дороги пришлось скакать на поле сраженія, такъ какъ въ этотъ же день происходила вторая рекогносцировка мѣстности вокругъ Денгли-Тепе.

13-го декабря, по приказанію Скобелева, лазаретъ общества на 100 кроватей былъ переведенъ изъ Келяты въ Самурское, такъ что съ 1-го до 17-го декабря все попеченіе о раненыхъ и больныхъ отряда лежало на личномъ составѣ персонала „Краснаго Креста“.

17-го декабря, прибылъ отрядный врачъ Гейфельдеръ и съ нимъ военный госпиталь. Но тѣмъ не менѣе на рекогносцировку 18-го ходилъ докторъ Малиновскій со своими санитарями.

Во время штурма 20-го декабря на укрѣпленія Янги-Кала, перевязочные пункты „Краснаго Креста“ слѣдовали при колоннахъ Куропаткина и Козелкова, а при резервѣ Скобелева находился военно-госпитальный перевязочный пунктъ и лазаретъ „Краснаго Креста“. По занятіи Янги-калы, былъ устроенъ смѣшанный лазаретъ изъ матеріальной части и персонала какъ военнаго госпитальнаго, такъ и общественнаго, и къ этому же времени были вызваны подъ крѣпость графиня Милютина и Стрякова, такъ какъ число раненыхъ стало значительно возрастать.

Когда рѣшено было выписать сестеръ впередъ, то никто въ отрядѣ не могъ предполагать, чтобъ непріятель былъ настолько смѣлъ и рѣшился атаковать наши войска и лагерь, какъ это было 28-го и 30-го декабря и 4-го января. Полагали напротивъ, что при передовомъ отрядѣ сестры не могли бы подвергаться болѣе опасости, чѣмъ на всякомъ другомъ пунктѣ въ тылу, такъ какъ большая часть войскъ была стянута впередъ и крѣпости защищались слабыми гарнизонами. Но и послѣ этихъ атакъ нельзя было раскayваться въ томъ, что сестры обречены были находиться между жизнью и смертью въ теченіи трехъ недѣль. Присутствіе ихъ въ лагерь и неустанная работа днемъ и ночью подъ пулями имѣли громадное значеніе.

Во всѣхъ дѣлахъ 21-го, 22-го и въ злосчастномъ дѣлѣ генерала Петрусевича 23-го декабря, перевязочный пунктъ былъ отъ „Краснаго Креста“. Въ Янги-Кала смѣшанный лазаретъ оставался до 29-го, т. е. до дня, когда, по приказанію Скобелева, ему пришлось вмѣстѣ съ лагеремъ передвинуться во вторую параллель.

28-го декабря, во время атаки текинцевъ на траншею, на перевязочномъ пунктѣ находились фельдшеръ, санитаръ и десять санитаровъ носильщиковъ. Видя наступавшаго непріятеля уже на площадкѣ внутри траншей, они схватили ружья, приготовившись защищаться, но пункта не покинули, даже когда увидѣли себя обойденными. При первыхъ залпахъ начавшейся атаки, пять дежурныхъ одноколокъ были немедленно отправлены изъ лагеря на подкрѣпленіе къ стоявшимъ у параллели. Доктора Щербакъ и Малиновскій бросились въ траншеи. Когда они прибыли на мѣсто, атака отбита еще не была и они оказались единственными врачами, дававшими первую перевязку въ моментъ раненія. Хладнокровіемъ и распорядительностью особенно отличились, кромѣ врачей, ротмистръ Максимовъ, подъ руководствомъ котораго, менѣе чѣмъ въ часъ послѣ отбитія атаки, не только раненные, но и убитые были подобраны и доставлены въ лагерь.

Въ лагерь въ лазаретъ работы продолжались до 6 часовъ утра, причемъ много дѣла выпало и на долю сестеръ Милутиной и Стряковой. Въ эту ночь врачебный персоналъ вовсе не ложился спать, такъ какъ, закончивъ перевязку къ 7-ми часамъ, тотчасъ же принужденъ былъ заботиться о перенесеніи лазарета впередъ. Къ 12 часамъ лазаретъ былъ уже перенесенъ и развернутъ на новой стоянкѣ; раненные размѣщены и накормлены; складъ и пункты приведены въ порядокъ.

Въ три часа пополудни 29-го же числа, Куропаткинъ началъ штурмъ Великняжеской, и „Красному Кресту“ выпала новая работа и новыя опасности. Вмѣстѣ съ штурмующей колонной отправился ротмистръ Максимовъ, взявъ съ собою санитаровъ съ носильщиками для уборки раненныхъ и доставленія ихъ на перевязочный пунктъ, находившійся по близости въ траншеѣ. Во время штурма одинъ изъ

санитаровъ раненъ. Войдя съ первыми солдатами въ непріятельское укрѣпленіе, г. Максимовъ сталъ съ санитарями подбирать убитыхъ и раненыхъ. Восемь тяжело раненыхъ, поднятые санитарями, подъ сильнымъ перекрестнымъ непріятельскимъ огнемъ, были доставлены первыми въ ближайшую траншею, а оттуда на перевязочный пунктъ „Краснаго Креста“. При этой переноскѣ одинъ изъ санитаровъ былъ убитъ и два ранены.

Раненыхъ и штурмующихъ мучила жажда, и потому ротмистръ Максимовъ, взявъ изъ траншеи боченокъ воды и нѣсколько бутылокъ вина, вторично пошелъ въ Великокняжескую, но такъ какъ при этомъ нужно было пробѣжать открытымъ мѣстомъ въ 50-ти саженахъ отъ крѣпости, то изъ сопровождавшихъ его охотниковъ одинъ былъ убитъ наповаль. Бой шелъ жарко, въ осажденныхъ калахъ убитые и раненные падали десятками; санитары съ самоотверженіемъ выносили ихъ на перевязочный пунктъ и подъ огнемъ бѣжали за водой къ ручью, при чемъ текинскія пули били ихъ и разбивали въ ихъ рукахъ бутылки.

Съ наступленіемъ сумерекъ, всѣ раненные доставлены на перевязочный пунктъ „Краснаго Креста“. При переноскѣ ихъ шесть санитаровъ ранены и двое убиты.

30-го декабря, перевязочный пунктъ изъ соединительной траншеи переведенъ въ Великокняжескую калу. Съ наступленіемъ ночи, когда непріятель сдѣлалъ свою вылазку изъ крѣпости, оставшаяся въ лагерьѣ при складѣ и лазаретѣ прислуга и конюхи вооружились топорами, кольями, лопатами, и не теряя присутствія духа, ожидали съ минуты на минуту появленія въ нашихъ владѣніяхъ непріятеля. Но непріятель былъ вѣрѣе отбитъ. Перевязка, размѣщеніе и кормленіе доставленныхъ раненыхъ продолжались до семи часовъ утра слѣдующаго дня. Въ восемь же часовъ, по приказанію временно-командующаго войсками, госпиталь подвинулся еще впередъ, къ самымъ траншеямъ, и расположился въ 800 шагахъ отъ стѣнъ крѣпости. Тутъ въ теченіи 12 дней весь лагерь находился подъ мѣткими выстрѣлами изъ крѣпости, такъ что оставаться въ траншеяхъ было безопаснѣе. Особенно привлекали на себя вниманіе два большихъ намета, въ которыхъ помѣщался складъ „Краснаго Креста“. Вѣроятно, текинцы воображали, что въ нихъ живетъ Скобелевъ, и потому осыпали ихъ днемъ и ночью пулями, отчего площадка, которую занималъ складъ и персоналъ общества, считалась самымъ опаснымъ мѣстомъ въ лагерьѣ.

Во время нападенія 4-го и 5-го января, перевязочные пункты находились также въ передовой линіи; съ этого времени лица врачебнаго персонала спали урывками и притомъ не раздѣваясь, такъ какъ ежеминутно приносили какого нибудь раненаго изъ передовыхъ траншей.

12-го января, во время штурма, при колоннѣ полковника Куро-

паткина находился перевязочный пункт № 1-й. На лѣвомъ, при колоннѣ полковника Козелкова, пунктъ № 3-й. Перевязочный пунктъ № 2-й военно-медицинскаго вѣдомства помѣщался въ тылу первыхъ двухъ.

Послѣ взрыва мины, вслѣдъ за штурмующей колонной направился и перевязочный пунктъ № 1, который въ первый моментъ штурма расположился у плотины, въ 40-ка шагахъ отъ крѣпостнаго рва, и быстро сдѣлалъ перевязку оказавшимся тамъ раненымъ. Въ слѣдующій моментъ боя перевязочный пунктъ передвинулся въ самому рву у бреши, гдѣ было перевязано 73 человѣка.

На лѣвомъ флангѣ, перевязочный пунктъ № 3-й расположился въ первый моментъ штурма въ передовой траншеѣ, а потомъ основался на самой стѣнѣ крѣпости въ бреші, пробитой артиллерійскими снарядами. На этомъ пунктѣ было перевязано 45 человѣкъ.

Вечеромъ 12-го, по уборкѣ своихъ раненыхъ и послѣ перенесенія лазаретовъ на площадку между Великокняжеской и стѣнами крѣпости, а также 13-го и 14-го января, врачи Малиновскій и Щербакъ перевязывали раненыхъ текинскихъ женщинъ и дѣтей, которыхъ оказалось свыше 300.

За все время дѣятельности отряда въ Закаспійскомъ краѣ, черезъ лазареты „Краснаго Креста“ прошло до 2,000 раненыхъ и больныхъ воиновъ, т. е. $\frac{4}{5}$ изъ общаго ихъ числа, причемъ за 6 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ отрядомъ израсходовано 91,199 р., изъ собственныхъ средствъ общества.

Такъ доблестно работали, такъ самоотверженно жертвовали во имя святаго подвига любви и состраданія люди, добровольно взявшіе на себя обязанности санитаровъ отряда. Сколько раненыхъ обязаны имъ жизнью, сколько изъ нихъ они избавили отъ мученій и медленной смерти! Но, очевидно, что кромѣ того, самое ихъ присутствіе благотворно дѣйствовало на нравственное состояніе войска, осаждавшаго Геокъ-Тепе. Чувствуя за собою такую поддержку и по пятамъ слѣдующую помощь, русскій солдатъ всю свою энергію и храбрость обращалъ къ мыслѣ о необходимой побѣдѣ, увѣренный, что въ случаѣ какого либо несчастія—будетъ кому тотчасъ же и перевязать его, въ случаѣ смерти—тѣло его ожидаетъ честное христіанское погребеніе. Последнюю обязанность совершалъ отецъ іеромонахъ Іоакимфій, бывшій единственнымъ духовнымъ лицомъ въ отрядѣ. Добросовѣстно неся обязанности санитаря, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполнялъ и всѣ требы; не будь его, некому было бы хоронить убитыхъ и умершихъ и напутствовать умирающихъ.

Вотъ основаніе, чтобы дать дѣятелямъ общества „Краснаго Креста“ въ исторіи завоеванія Ахаль-Текинскаго оазиса самое почетное мѣсто. Не только не проливая чужой крови, но даже унимая уже текущую цѣною своей, эти люди придавали силу воинамъ Скобелева, личными примѣрами поддерживая мужество колебавшихся, безустанной работой научая не уставать и другихъ.

XI.

Золотой путь въ Индію.

Съ паденіемъ Денгли-Тепе, война была кончена. Часть текинцевъ усакала въ пески, часть удалилась въ Мервъ. 16-го января, послѣ 4-хъ-дневнаго отдыха, Скобелевъ направился на Асхабадъ (находящійся въ 40 верстахъ отъ Геокъ-Тепе) и безъ боя занялъ его 18-го. Колонна полковника Куропаткина пошла въ песчаную степь и сбѣжала по ней около 350 верстъ, съ цѣлью детальнаго изученія края.

Съ этого же времени многіе текинцы стали приходить съ изъясненіемъ покорности. Сначала приходили единицы, затѣмъ уже цѣлыя группы и, наконецъ, явился и самъ Тымъ-Сердаръ, чтобы положить у ногъ Скобелева свою саблю. Край оказался завоеваннымъ и высочайшимъ повелѣніемъ включенъ въ число безспорныхъ владѣній русской короны.

Роковое предопредѣленіе исторіи совершилось, и мы въ настоящую минуту владѣемъ полосой плодородной земли, лежащей несомнѣнно на золотомъ пути въ Индію.

Съ незапамятныхъ временъ ищутъ здѣсь этотъ закодированный путь въ баснословное царство, въ страну брилліантовъ и холеры, въ страну паріевъ и божественныхъ коровъ, въ страну крокодиловъ, тигровъ, слоновъ и баядерокъ, въ страну „великаго могола“, синонима безмѣрной роскоши, въ страну факира—синонима безмѣрной нищеты и самоуничтоженія.

Въ VIII и IX вѣкѣ славянскіе купцы проникали въ Багдадъ, Балхъ и даже въ Китай—Волгою и Каспійскимъ моремъ, о чемъ свидѣлствуютъ находимые здѣсь клады съ монетами арабскими, индійскими и бактрійскими. Затѣмъ, за время монгольскаго ига, свѣдѣнія объ этомъ исчезаютъ. Въ XV вѣкѣ пытался проѣхать въ Индію купецъ Аѳанасій Никитинъ, но доѣхалъ только до Хоросана. Позднѣе генуэзецъ Паоло Чентуріоне смущалъ великаго князя Василія Ивановича прелестями и выгодами того же золотого пути. Толкались сюда и англичане, изъ которыхъ Антонъ Дженкинсонъ, въ 1555 году, пробрался черезъ Мангишлакъ въ Бухару, а черезъ годъ онъ же попалъ въ Таврисъ, столицу тогдѣшней Персіи. За англичанами ѣздили нѣмцы и шведы, съ большею или меньшею неудачею. Наконецъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ два раза посылали пословъ къ великому моголу, но оба раза они не могли проѣхать черезъ Персію.

Въ 1669 году, въ Индію поѣхалъ Пазухинъ черезъ Бухару и нашелъ, что путь этотъ представляетъ достаточныя выгоды. Донесеніе Пазухина побудило послать, въ 1675 году, къ великому моголу татарина Юсупа Касимова. Касимовъ, хотъ и добрался до Кабула, но

былъ выпровоженъ обратно потому, что не имѣлъ съ собою товаровъ. Только въ 1655 году съ товарами доѣхалъ до Дели купецъ Семенъ Маленькій, здѣсь распродалъ ихъ, накупилъ индійскихъ, нагрузилъ ими два корабля, но на возвратномъ пути умеръ въ Шемахѣ.

Петръ Великій снаряжалъ двѣ экспедиціи—одну со стороны Сибири, другую со стороны Астрахани. Второй отрядъ (Бековича) достигъ Хивы, но здѣсь былъ измѣннически истребленъ хивинцами.

Въ 1750 году, составилаь даже русско-индійская компанія, но дѣятельность ея ограничилась посылкою одного только каравана. Въ 1753 году, въ Хиву и Бухару ѣздилъ торговать самарскій купецъ Рукавишниковъ, и съ этого времени торговля сношенія Россіи съ этими странами все усиливались, такъ что сумма торговыхъ оборотовъ, составляя въ 1773 году около 43 тысячъ рублей ассигнаціями, въ 1867 году дошла до 53 милліоновъ руб. серебромъ ⁴⁾...

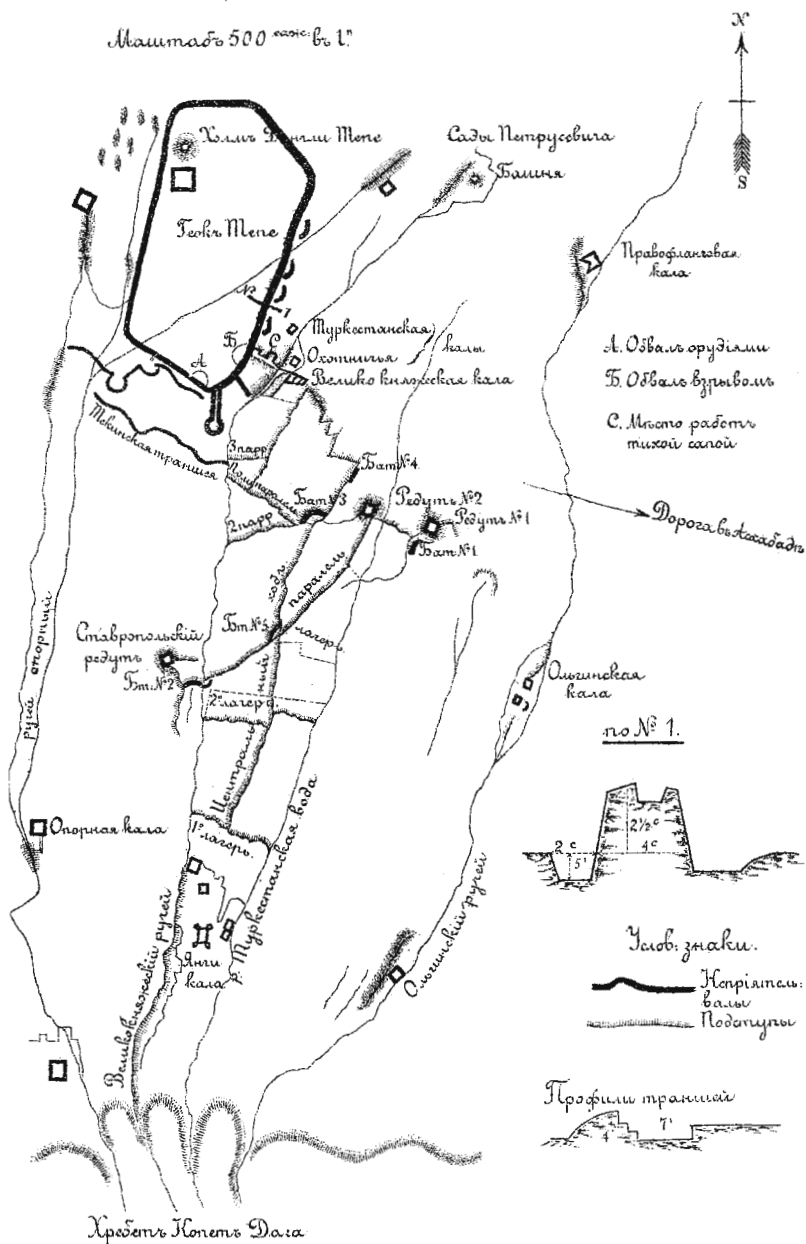
Но путь въ Индію все таки не открывался и до сихъ поръ составляетъ еще „проблему“, поставленную для разрѣшенія работъ будущихъ поколѣній. Г. Анненковъ находитъ, что проблема эта уже рѣшена проведеніемъ желѣзной дороги отъ Михайловскаго до Кизиль-Арвата. Сопоставляя между собою пути въ Индію, онъ отдаетъ всѣ предпочтенія дорогѣ по вновь завоеванному оазису.

Первый путь изъ Фальмута въ Бомбей мимо мыса Доброй Надежды имѣетъ 18,200 верстъ и для прохожденія требуетъ 42 дня времени; второй изъ Фальмута въ Бомбей черезъ Суэцъ и Александрію имѣетъ 10,500 верстъ и требуетъ для проѣзда 24 дня. Таковы два главные морскіе пути. Путей же смѣшанныхъ, правильнѣе проектированныхъ—много, но этими путями еще никто не ѣздилъ и товаровъ не возилъ; но несмотря на это, они-то и лежатъ въ основѣ всѣхъ восточныхъ затрудненій и дракъ за преобладаніе на востокъ между европейскими государствами. Изъ этихъ проектируемыхъ путей особенно замѣчательны четыре. Первый—отъ Парижа до Калькутты (Бриндизи, Суэцъ и Бомбей)—имѣетъ длину 10,787 верстъ, второй изъ Скутари (Константинополь) черезъ Ефратъ и Багдадъ тянется на протяженіи 4,170 верстъ, изъ коихъ 720 верстъ должно пройти по безводной и безплодной степи. Третій путь—проектируемый Лессепсомъ и Котаромъ, между Парижемъ и Калькуттой, черезъ Оренбургъ, Ташкентъ, Балхъ и Пешаверь, будетъ имѣть 10,120 верстъ по непрерывной уже желѣзной дорогѣ. Тутъ также придется захватить 740 верстъ безлюдной пустыни. Наконецъ, четвертый, кратчай-

⁴⁾ Такія цифры приведены въ статьѣ г. Анненкова, „Вѣстн. Европы“, № 6. Но авторъ умалчиваетъ, что въ этихъ утѣшительныхъ цифрахъ главное мѣсто принадлежитъ торговлѣ съ Китаемъ, а не съ Индіею и даже не съ Афганистаномъ, куда пути еще все таки не найдены и понинѣ.

Планъ осады крепости Теокъ-Мене.

Маштабъ 500 ^{саженъ} въ 1"

РИСОВАНО АНГЕЛОМЪ С. С. С. С. С.

шій путь между Парижемъ и Ширкапуромъ (черезъ Варшаву (?), Москву, Баку, Михайловскій заливъ, Кизиль-Арватъ, Серахсъ, Герать, Бандахаръ и Кветту) равняется 7,571 верстѣ и можетъ быть пройденъ въ 11—12 дней, съ небольшими морскими переѣздами изъ Баку въ Михайловское. Тутъ, по мнѣнію г. Анненкова, придется пройти всего 125 верстѣ безводными степями, и то уже фактически пройденными существующей закаспійской желѣзной дорогой.

Увлеченіе изобрѣтателей—явленіе естественное, понятное и простибельное, но увлеченіе г. Анненкова еще тѣмъ простибельнѣе, что его золотой путь—дѣйствительно путь увлекательный. Положимъ, отъ эксплуатаціи съ помощью товарныхъ вагоновъ и бракованныхъ локомотивовъ кое-какъ построенныхъ ста верстѣ желѣзной дороги, безъ настоящаго товарнаго движенія, прямо умозаключать о возможности продолжить эту дорогу до Кветты, отстоящей отъ Кизиль-Арвата на 3,000 неизвѣданныхъ въ точности верстѣ,—нѣсколько смѣло, но, помимо такой смѣлости, золотой путь г. Анненкова весьма можетъ быть полезенъ, ограничившись даже влияніемъ на торговлю близъ-лежащихъ ханствъ и поселеній западнаго Туркестана, и частію сѣверо-восточныхъ провинцій Персіи до Хоросана включительно. Дальнѣйшее же продолженіе этого пути будетъ возможно только при существованіи въ пустынѣ Кара-Кумъ хорошихъ каменно-угольныхъ мѣсторожденій, такъ какъ на бакинской или челекенской нефти далеко не уѣдешь, да и врядъ ли шибко разѣдешься. Запасы нефти кажутся громадными до тѣхъ поръ, покуда продукты ея перегонки сжигаются въ лампахъ, но разъ ею начнутъ топить локомотивы и паровые котлы водокчалокъ, этого топлива, какъ его, повидимому, ни много, хватить не надолго, что прямо повліяетъ на расчеты стоимости бухарскаго и хивинскаго хлопка (а тѣмъ болѣе индѣйскихъ товаровъ: корицы, ванили, кофе, рису), приведенные у г. Анненкова.

Тѣмъ не менѣе, разъ дорога дошла до Кизиль-Арвата, разумѣется, надо сдѣлать все, чтобы дать возможность выяснить, имѣютъ ли мѣстное населеніе и мѣстные торговые интересы и традиціи наклонность учредить въ Кизиль-Арватѣ большой караванъ-сарай. Съ этою цѣлью, безъ сомнѣнія, нужно организовать (даже путемъ казенныхъ затратъ) все движеніе по закаспійской дорогѣ на тѣхъ же началахъ быстроты, удобства и безопасности, какъ это принято для дорогъ европейскихъ. Честное веденіе дѣла въ эту сторону можетъ многое выяснить, многому помочь и, дѣйствительно, въ концѣ концовъ, опредѣлить цѣну въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ сдѣланному отрядомъ генерала Скобелева завоеванію.

По нашему мнѣнію, неособенно торопясь въ Индію, гдѣ, даже послѣ блестящей военной побѣды надъ англичаниномъ, мы едва ли сейчасъ можемъ имѣть шансы на самую скромную комерческую побѣду, но приучая къ своимъ товарамъ и своимъ торговымъ порядкамъ народности Турана и Ирана, мы, разумѣется, и теперь могли бы изъ-

влекать уже не малыя выгоды изъ построенной дороги, амало-по-малу развивая свою внутреннюю производительность, помогая у себя дома работѣ и творчеству національнаго генія (въ основѣ котораго не мало родственнаго востоку),—мы доживемъ до того момента, когда коммерческая побѣда на равнинахъ Индіи достанется намъ безъ пролитія крови, путемъ медленнаго, мирнаго завоеванія симпатій потребителей къ хорошимъ произведеніямъ нашей фирмы.

Съ этой точки зрѣнія, завоеваніе Ахаль-текинскаго оазиса приобретаетъ большую важность. Воинственное племя номадовъ этихъ пустынь помѣрилось съ нами силами и воочію убѣдилось въ своей слабости. Оно сдѣлало все, что было можно, что было ему доступно для сохранения своей независимости, но сила русскихъ войскъ сломила его сопротивление въ честномъ бою, послѣ котораго никогда не зазорно и такъ естественно слабому покориться. Покорились и текинцы, ближайшимъ послѣдствіемъ чего будетъ прекращеніе грабежей идущихъ на русскую желѣзную дорогу каравановъ, а тамъ—одно-два поколѣнія, и скитальческая жизнь текинцевъ мало-по-малу перейдетъ въ осѣдлую жизнь населенія большихъ торговыхъ центровъ. Кто знаетъ, долго ли спать этой пустынѣ, кто поручится, не суждено ли этотъ тысячелѣтній сонъ разбудить свистомъ русскаго локомотива?

Роковые пути исторіи неисповѣдимы.

Покуда, однако, золотой путь въ Индію еще только выясняется карандашемъ по картѣ, да еще по такой картѣ, гдѣ цѣлыя сотни верстъ ни въ какомъ отношеніи неизвѣданы. До практическаго осуществленія этого проектированнаго пути пройдетъ большое историческое время, въ теченіи котораго могутъ совершиться событія, вслѣдствіе которыхъ измѣнятся основы, заставляющіе людей воевать изъ-за рынковъ, восточный вопросъ разрѣшится ко всеобщему благополучію и конкуренція купцовъ потеряетъ всякую привлекательность—вслѣдствіе доступности всѣхъ рынковъ со всѣхъ сторонъ, съ помощью хотя бы воздушныхъ шаровъ, управляемыхъ сконцентрированнымъ электричествомъ. До сихъ поръ послѣдняго еще не выдумано, но вѣдь и золотой путь въ Индію еще не трасированъ по мѣстности! Въ силу такихъ соображеній, можно хладнокровнѣе смотрѣть на „кратчайшій путь“ въ Индію, проектированный г. Анненковымъ, и не позволять себѣ, доѣхавъ до Кизиль-Арвата, воображать, что попалъ уже въ Герать. Но не слѣдуетъ усиливать и скептическое отношеніе къ пользѣ нашихъ средне-азиатскихъ завоеваній, не слѣдуетъ такъ плохо цѣнить и русскую силу, и русскій талантъ, какъ это дѣлаютъ русскіе либеральныя газеты. Если г. Анненковъ вѣритъ въ слишкомъ многое, то гг. Немо и Б., авторы фельетоновъ „Голоса“, не просто не вѣрятъ, но не вѣрятъ презрительно. Читая ихъ велемудрыя правоученія, такъ и видишь, что эти господа ни на минуту не сомнѣваются, что у Россіи—сукопное рыло, съ которымъ не только не пустятъ въ калашный рядъ, но куда даже и проситься—то не слѣдуетъ, а ужъ врыватья совсѣмъ

стыдно... Вотъ, напримѣръ, какъ завершаетъ свои прекрасные фельетоны г. Б:

„Слава Богу (!) Ахаль-Текинскій оазисъ заканчиваетъ циклъ нашихъ завоеваній въ средней Азіи. Далѣе идти намъ нѣкуда, и нѣзачѣмъ. За Ахаль-Текинскимъ оазисомъ начинаются уже страны, которыя, по своему географическому, этнографическому и политическому положенію, тяготеютъ совершенно къ другимъ центрамъ...“

Этимъ заканчивается описаніе блестящаго военнаго, а слѣдовательно—народнаго подвига! Согласитесь, что на всякомъ иномъ языкѣ это было бы оскорбленіемъ. У насъ... у насъ народъ, совершающій подвиги, газетъ не читаетъ и, потому, не имѣетъ возможности обижаться. Почему, спрашивается, намъ идти далѣе нѣкуда? Отчего трусливо предрѣшать, что и нѣзачѣмъ? Наконецъ, какая намъ забота, что за Асхабадомъ начинаются страны, тяготеющія къ совершенно другимъ (?) центрамъ? Особенно, когда это неправда! Развѣ кто-либо въ Англіи (послѣ блестящаго похода, замѣтите) позволилъ бы себѣ написать такую сентенцію, позволилъ бы себѣ сказать своему народу „стой! далѣе живутъ люди, тяготеющіе къ Россіи“? Ужъ, конечно, нѣтъ.

Г. Немо, авторъ также интересныхъ фельетоновъ—„Отъ Кабула до Геокъ-Теле“, высказывается на этотъ счетъ еще категоричнѣе, еще ярчѣе:

„Намъ кажется, что ахаль-текинская экспедиція была вызвана несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, предупредить которыя зависѣло въ значительной степени отъ насъ самихъ. Къ сожалѣнію, нельзя было оставить неотмщеннымъ пораженіе прошлаго года, потому что нежелательно было подвергнуть опасности всѣ наши владѣнія въ средней Азіи. Только какъ въ началѣ экспедиціи, такъ и теперь, мы не должны ни на минуту опускать изъ вида основнаго положенія среднеазиатской политики Россіи: наступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи есть роковая необходимость, едва не несчастіе, но никакъ не великое благо. До сихъ поръ мы ничего не получили отъ нашихъ среднеазиатскихъ владѣній и завоеваній; напротивъ, каждый бюджетный годъ они стоютъ государственной казнѣ огромныхъ суммъ. Становясь на такую точку зрѣнія, нельзя не придти къ убѣжденію, что задача нашей среднеазиатской политики должна заключаться въ томъ, чтобъ предупредить всѣми средствами новыя усложненія. Крайне необходимо положить конецъ нашему движенію въ нескончаемыя степи и пустыни средней Азіи. Пора покончить съ среднеазиатскимъ вопросомъ въ смыслѣ подготовленія почвы для борьбы съ Англіей. Отъ такой борьбы мы, ни въ какомъ случаѣ, ничего не выиграемъ, а много потеряемъ“.

По опыту зная, какъ притуплено патріотическое чувство русскаго интеллигента, я къ этой цитатѣ прибавлю, что нѣсколькими строками выше тотъ же авторъ, можетъ быть, тѣмъ же перомъ написалъ:

„Между тѣмъ какъ лордъ Литтонъ, немедленно по прибытіи въ Индію, сталъ настаивать въ Кабулѣ на принятіи англійскаго резидента, но постоянно получалъ самый категорическій отказъ, русское посольство было принято Широмъ-Али самымъ радушнымъ образомъ“.

И когда о пребываніи въ Кабулѣ генерала Столѣтова, уже послѣ подписанія Берлинскаго трактата, возникъ вопросъ въ парламентѣ, то, защищаясь отъ направленныхъ на него нареканій, глава англійскаго правительства, прибавилъ, что

„всѣ приготовленія Россіи въ средней Азіи были совершенно законны, и если бъ мы были въ положеніи русскаго правительства, то навѣрно предпріняли бы подобное же предпріятіе“ ¹⁾.

Не ясно ли, изъ послѣднихъ строкъ, что честный врагъ оказывается справедливымъ въ оцѣнкѣ русскихъ политическихъ способностей, чѣмъ либеральный журналистъ, привыкшій только къ чернильнымъ всхлипываніямъ и потому въ дѣйствительно народной славѣ ничего непонимающій и мѣряющій историческій ростъ народа колебаніемъ цѣнъ на ближайшей жидовской биржѣ. Мы указываемъ на это, повидимому, маленькое явленіе потому, что въ дѣйствительности оно сильно вліяетъ на ходъ русской исторіи, болѣе, нежели объ этомъ гдѣ либо полагаютъ. Подобные же голоса сильно повліяли на остановку русскаго войска подъ воротами (на $\frac{1}{4}$ открытыми) Константинополя, они же украсили русскую лѣтопись Берлинскимъ трактатомъ. За все это народъ, столь любимый на словахъ этими господами, скажетъ имъ свое спасибо, когда въ массѣ своей доростетъ до выражаемаго самосознанія.

По нашему, народъ такъ же, какъ и каждая изъ его частныхъ личностей, совсѣмъ не можетъ и не долженъ заботиться только о выгодныхъ въ денежномъ смыслѣ гешефтахъ. Кромѣ потребностей, у него есть идеалы, къ осуществленію которыхъ онъ роковымъ, полусознательнымъ образомъ, стремится. Исторія безпристрастная не можетъ не видѣть, что золотой путь къ востоку, гораздо ранѣе всякихъ европейскихъ усложненій, искали и находили на свой личный рискъ и страхъ какой-то Никитинъ, какой-то Семенъ, да еще маленькій, и это было тогда, когда нынѣшняя коренная по виѣшности южная Россія была достояніемъ такихъ же полудикихъ номадовъ, какъ и туркмены-теке. Что гнало этихъ людей въ непривѣтливую сторону безбрежныхъ пустынь, что заставляло платиться жизнью за безпримѣрную отвагу, за несоразмѣрный рискъ? Желая сохранить логику, мудрецы „Голоса“ на это не отвѣтятъ, такъ же, какъ имъ же должна бы казаться непонятной вся дѣятельность Колумба, Васко-де-Гама, Кука, Ливингстона, Беккера и другихъ. Положимъ г. Немо, указавъ

¹⁾ Г. Немо имѣетъ на этотъ счетъ другой взглядъ. На посольство Столѣтова онъ смотритъ, какъ на величайшую нашу дерзость, за которую Англія наказала Ширъ-Али изгнаніемъ, лишеніемъ власти, что и повело этого хана къ смерти. Разумѣется, съ той же точки зрѣнія обиженнаго „суконнымъ рыломъ“ человека, онъ удивляется, какъ Англія согласилась уступить Кабулъ Абдурахману, а еще болѣе, какъ этотъ русскій вскормленникъ и пенсіонеръ дерзнулъ настойчиво требовать раздѣленія протектората Англіи надъ Афганистаномъ съ Россіей!

на нашу пресловутую бѣдность и на бездоходность нашихъ завоеваній, комически восклицаетъ:

„Какъ завидна въ этомъ отношеніи Англія съ своими остъ-индскими владѣніями, которыя доставляютъ англичанамъ неисчислимые выгоды!“

Но вѣдь не можетъ же онъ не знать, что успѣхъ этотъ достался не сразу, не даромъ, да кромѣ того, основанный только на выгодѣ, онъ именно потому-то и затрудняетъ Англію гораздо болѣе, нежели наши бездоходныя покуда завоеванія.

Наконецъ, съ точки зрѣнія „денегъ“, развѣ не всякая слава глупа, развѣ не всякое рыцарство забавно? Народъ же живой, сильный, историческій народъ, давно и для частныхъ случаевъ рѣшилъ, что деньги дѣло наживное, — тѣмъ болѣе никогда онъ не повѣритъ въ свою историческую незыблемую бѣдность. Этотъ народъ любитъ за то свою славу, чтитъ своихъ богатырей, начиная съ Ильи Муромца, и въ извѣстномъ направленіи не скупится на жертвы, если онѣ приносятся на алтарь его настоящей исторіи.

Географическая карта показываетъ, какъ далеко еще намъ до Индіи, но она же столь же вѣрно свидѣтельствуетъ, что до Индіи отъ русскаго Асхабада вдвое ближе, чѣмъ отъ русской Москвы.

Таковы голые факты.

Объясненіе къ нимъ кроется въ будущемъ, отгадать которое съ точностью мудрено. Но догадки, довольно вѣроятныя, подсказываютъ, что если это будущее не исполнѣ осуществить мечту г. Анненкова, то уже навѣрное посрамить и тѣхъ, кто трусливо завѣряетъ, что въ Азіи намъ и дѣлать нечего, да и идти-то некуда, такъ какъ соперничество съ такою важною особой, какъ торговая Англія, намъ всегда будетъ не подъ-силу да и не подъ-стать.

Покуда же, прекраснѣе и утѣшительнѣе всего то, что къ исторіи русскихъ подвиговъ прибавилась маленькая, но краснорѣчивая, блестящая страница; къ русскимъ славнымъ именамъ—еще одно славное имя, къ русскимъ народнымъ жертвамъ—еще не одна сотня жертвъ, надъ честнымъ прахомъ которыхъ, мы обязаны повѣрить силѣ и разуму народа, ихъ принесшаго.

В. П.

